

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АНАСТАСИЯ НИКИТИНА

РЕКТОР
ПО СЕМЕЙНЫМ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Анастасия Никитина
Ректор по семейным
обстоятельствам
Серия «Волшебная академия (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48454042

*Ректор по семейным обстоятельствам: [роман] / Анастасия
Никитина: АСТ; Москва; 2019*

ISBN 978-5-17-117223-7

Аннотация

Что не так?! Именно этот вопрос задаст любой, кому мне вздумалось бы пожаловаться на свою жизнь. Ещё бы. Для счастья всё в наличии: королевская кровь, звание «Лучший зельевар Белого континента», внешностью Создатели не обидели. Ах, да, с этого года я ещё и занимаю пост ректора Академии стихий. Нравится? А мне не очень. Потому что я – маг-боевик, и ненавижу зельеваренье! А еще меня зовут Аленна!!!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	29
Глава 3	50
Глава 4	75
Глава 5	91
Глава 6	112
Глава 7	129
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Анастасия Никитина
Ректор по семейным
обстоятельствам
Роман

© А. Никитина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Назвалась принцессой – полезай в Академию

Я люблю дороги Белого континента. Никогда не знаешь, куда тебя приведет одна из них. Может быть, это будет старая таверна на перекрестке или заброшенное кладбище. А может, суетливый портовый город или сонная деревенька. Для боевого мага вроде меня везде найдется что-то интересное: упырь какой-нибудь, кровожадный мутант, на худой конец, ватага разбойников, в недобрый для себя час решившая потревожить одинокого путешественника. Эх, люблю дороги!

Еще больше мне нравится возвращаться домой. Горячая ванна, шелковые простыни и любимые братья, гадающие, что на этот раз появится на стене моей спальни и как на это отреагирует наш общий Па.

Кстати, о Па. С чего это он ввалился ко мне через десять минут после того, как я вернулась?

– Завтра ты отправляешься в Академию стихий! – с порога заявил он. – И никаких возражений!

– Это шутка такая, да? – от удивления я выронила голову василиска-мутанта, которую пыталась приладить к стене.

– Дочь! Это твой долг, – возмутился папочка, поправляя съехавшую на глаза корону.

– Это не долг. Это повинность, – огрызнулась я, опускаясь на четвереньки: ифитов трофей закатился под кровать.

– Это традиция вот уже третье тысячелетие! – с пафосом воскликнул мой собеседник.

Пафос у моего папочки классический, профессиональный. Даже советников пробирает иногда. Но на меня не действует.

– Ну да, ну да! Древность замшелая.

– Вылезай оттуда немедленно! Я не могу разговаривать с твоей задницей!

Ого, похоже, папочка обозлился всерьез: пора пускать в дело тяжелую артиллерию.

– Может, попозже? – заныла я, состроив умильную рожицу. – Я еще слишком молода и неопытна для такой ответственной задачи. Какой же из меня ректор? Переселенцам на смех!

Его величество Па окинул меня скептическим взглядом с ног до головы. Эх, жаль, не успела переодеться. Кожаные штаны и потертый доспех плохо сочетаются с образом балованной папиной дочки.

– Я их боюсь, этих переселенцев...

Отец недоверчиво хмыкнул, красноречиво кивнув на башку василиска у меня в руках. Я торопливо перехватила улику за обломанный рог и сунула за спину. Слезу бы пустить, да не умею.

– И не вздумай намагичить себе слезы! – предупредил

Па, на мгновенье опередив готовое сорваться с моих пальцев плетение. – Не поверю!

– Ну почему я?! – Голова василиска полетела в стену. Ненавистные книги по зельеварению посыпались с полки. – Там уже полторы тысячи лет не было ректоров женского пола!!!

– Так и дочерей в правящем роду не было примерно столько же! Или ты предлагаешь отправить туда Алека?!

Я припомнила старшего братца-слабодарца. М-да... Этот злобный хорек там натворит дел. Вечно завидовал мне и братьям и в конце концов проникся учением черни о греховности Силы. Только такого тронутого ректора Академии стихий и не хватало. Возразить было нечего.

– Аленна, спор бесполезен. Ты уже отвертелась от этого долга двенадцать лет назад. Теперь не выйдет, – сменил тон заботливый родитель. – Хватит колесить по дорогам Белого континента, как бродяга. Пора остепениться. Тебе весной исполняется пятьдесят лет.

– Всего пятьдесят! Я еще пожить хочу, а не хоронить себя в храмовом городе!

– Бродяжничество и участие в сомнительных авантюрах, по твоему мнению, подходящая жизнь для наследной принцессы?! – снова начал заводиться Па. – Ты похожа на нищую оборванку, обзавелась отвратительным прозвищем Рагетта, водишь дружбу с наемниками и месяцами не появляешься дома, а василиск, остатки которого только что пролетели ми-

мо, чуть не откусил тебе голову.

Однако... Па, оказывается, гораздо пристальнее следит за моими приключениями, чем я думала.

– Ну и кто в финале остался с головой? – пришлось проворчать мне.

Крыть было нечем. Действительно, глупо с этим монстриком получилось. Да, меня угораздило заночевать в его норе после доброй попойки. Но это не моя вина! Напоили меня благодарные жители деревеньки, которую я избавила от такого же уродца. Кто ж знал, что это была семейная пара? Всем известно, что василиски не переносят рядом себе подобных. Но нет, на мою бедовую голову свалилась именно парочка мутантов. Потом еще и яйца в глубине берлоги нашлись. Вот была бы радость окрестным поселкам через пару лет, не устройся пьяная магичка Рагетта там на ночь.

– А кто останется с головой в следующий раз?! – парировал отец, прервав мои размышления.

– Статистика поставит на меня.

– А теория вероятности и закон подлости – против! – рявкнул Па. Корона сползла на левое ухо, но папуля в пылу спора этого не заметил. – Хватит рисковать! В конце концов, я король или мимо проходил?! Вот тебе мое королевское веление! Завтра ты отправляешься в Питруг и вступаешь в должность. Традиции даны нам Создателями, и не тебе их нарушать!

Дверь грохнула об косяк с такой силой, что оставшиеся

тома по зельеварению полетели на пол вместе с полкой.

– Теория вероятности, – передразнила я и показала язык вслед папеньке. – Какой-то свихнувшийся монах выдумал очередную бредню, а вы, ваше величество, подхватили.

Я почесала свежий кривой шрам, протянувшийся поперек плеча. Его Па, к счастью, не видел, а то придушил бы меня лично. Ифитов василиск всего на два пальца не достал до горла моего пьяного высочества. Настроение испортилось окончательно.

Æелание понежиться в теплой ароматной воде пропало напрочь, и в ванную комнату я прошла строевым шагом, пиная на ходу попадающиеся под ноги толстые фолианты. Быстро отодрав мочалкой загрубевшую на ветру кожу от вьезшейся пыли, я завернулась в мягкий халат и крепко задумалась. Па решил давить дочь царственным авторитетом? Заветы Создателей и долг королевской крови мне припомнил? И дядюшка Симеон ни с того ни с сего решил покинуть насиженное кресло в своей драгоценной Академии стихий? Сильно смахивает на заговор моей дорогой семейки. Я их, конечно, безумно люблю и все такое прочее. Но навязчивые идеи сделать из меня приличную принцессу надо давить в зародыше.

Последняя попытка состоялась лет двадцать назад: меня попытались выдать замуж. В следующий раз я появилась во дворце три года спустя. И то только после того, как меня отыскал братец Макса и клятвенно заверил, что левое крыло

королевской резиденции уже отстроили, Па больше не сердится, а женихов ко мне смогут привести разве что под конвоем: боятся такой невесты женишки, как ифит снега.

А теперь, значит, семейство зашло с другой стороны. Когда-то мой коронованный родитель уже предлагал мне заняться Академией стихий, но тогда он так не настаивал. И не отвертеться же от этого высокого доверия, чтоб его ифиты пожгли. Па во всем прав. Ректор Академии стихий должен быть королевских кровей, и я единственная подхожу на эту должность. Младшие братья еще слишком малы, старших – всего двое. Но Максиан – наследный принц, он государством управляет под неусыпным контролем Па, а это похлеще какой-то там академии с переселенцами. Про Алека, то есть Алексана, можно даже не думать. Дядюшка якобы запросился на покой, мол, старый уже. Угу, старый, как же. Всего-то триста сорок лет ему стукнуло! Не иначе как с братишкой, папочкой моим, сговорились!

Ну, ничего, интриганы дворцовые, я вам покажу ифитовы кущи. Вы у меня тысячу раз проклянете бредовую задумку посадить Аленну в ректорский кабинет, дабы пыль на дорогах не месила...

Глава 1

О ректоре бедном замолвите слово

Эта высокая, чрезмерно худая по последней столичной моде магичка невзлюбила меня с первой секунды моего пребывания в роли ректора. То ли ее обозлило, что пришлось принять в качестве начальства молодую девицу, то ли она была тайно влюблена в дядюшку. Не знаю. В любом случае меня профессор Карна возненавидела сразу и, похоже, навсегда. Нет, она была предельно вежлива и не сказала ничего, что можно было бы посчитать нарушением этикета. Но чего стоили презрительно поджатые губы и назидательный тон. Только хорошо развитое воображение позволило мне до сих пор не наградить ее за усердие чем-нибудь убойным. Пока она разглагольствовала, я представляла, как украшаю эту прилизанную профессоршу птичьим клювом, разноцветным хохолком, кривыми волосатыми лапами и прочими усовершенствованиями из животного мира.

– Представление ректора – одна из основополагающих традиций Академии стихий! – вещала между тем профессор Карна. – Важно сразу показать этим мальчикам и девочкам, чего они могут достичь, если будут прилежно...

Я неприлично расхохоталась:

– Вы всерьез считаете, что переселенцы смогут достичь

уровня королевской крови?

– Разумеется, нет, – не так-то просто смутить эту выдру: ее голос не изменился ни на полтона. – Дети, с самого рождения оторванные от источников силы...

– Тогда к чему это представление? – откровенно зевнула я. – Учебный год начался больше месяца назад, мой любезный дядюшка уже отработал обязательную программу.

– А как иначе вас представить студиям?

– А зачем меня им представлять? Не имею ни малейшего желания знакомиться с представителями Черного континента. Я слишком хорошо учила историю в детстве и знаю подробности Последней большой войны. Удивительно, что дед не вырезал там под корень все население после того, что они творили.

А вот тут профессор Карна рассердилась:

– С того мгновенья, как дети ступили на палубы наших кораблей, они перестали быть представителями Черного континента. И если вы так хорошо знаете историю, то должны помнить Четвертый пункт Договора.

– Я помню Четвертый пункт, – кривую гримасу скрыть не удалось.

Именно из-за него в Академии стихий и появился Альтернативный поток. Тут учились чернаки, высланные с родины как колдуны. Хотя какие они, к ифиту, колдуны? Почти все – жалкие слабодарцы. Но на Черном континенте ненавидят магию в любом ее проявлении. До Последней большой

войны они вообще казнили тех, у кого просыпался Дар. Но всплеск Силы гибнущего магика вызывал порой такие кактаклизмы, что чернаки, наверное, вздохнули с облегчением, когда дед потребовал внести в договор Четвертый пункт.

– ...таким образом, ваше представление хотя бы Альтернативному потоку необходимо! – закончила профессор Карна, не заметив, что большую часть ее восторженного монолога я попросту пропустила мимо ушей.

– Если чернаки хотят посмотреть представление, то пусть сходят в балаган. Меня же загнали сюда в качестве ректора, а не шута.

– Но...

– Никаких «но», профессор Карна. А теперь извините. Кроме чернаков, у меня еще множество обязанностей, – холодно прервала я, доставая из ящика стола тугой свиток. – Вот очень важный документ, который мне просто необходимо изучить прямо сейчас.

– Да? – протянула она, скосив глаза на пергамент. – Тогда не буду вам мешать.

Слава Создателям, ушла. Даже улыбнулась вроде на пороге. Удачно документик под руку попался.

– Кстати, а о чем документик пишет? А то потом она спросит что-нибудь из природной вредности и дотошности, а ректор и знать не знает, что такое важное изучала, – проворчала я и повернула бирку лицевой стороной к себе.

В следующее мгновенье свиток полетел в камин, а я заме-

талась по роскошному кабинету, изрыгая проклятья, несовместимые с высоким положением особы королевской крови. Как так?! Почему из полусотни свитков, валявшихся в проклятом ящике, меня угораздило размахивать перед носом у Карны именно этим?! «Сто немагических способов увеличения пениса»! Ну дядюшка, ты за это ответишь!

Успокоиться мне удалось далеко не сразу. Сначала я с мстительным удовольствием перебрала все свитки и книги, какие только нашла в кабинете, и разложила в три кучи на полу. Одна из них, надо признать, самая маленькая, отправилась в камин сразу. Ну зачем, скажите на милость, мне подборка о мужской моде и светская хроника за последние два года? Такого добра в любом публичном книгохранилище хватает. Самую высокую кучу пришлось со вздохом распихать по местам: эти свитки украшали витиеватые подписи и печати советников, а то и самого царственного Па. А вот над последней я задумалась. С одной стороны, история, религия, легенды и прочая фигня Черного континента меня интересовали еще меньше, чем хозяйственные дела Академии. С другой – это не самая популярная тема, черт его знает, где дядюшка их набрал? Может, в личном хранилище его величества правителя, а как Па относится к содержимому своего книгохранилища, я знала даже слишком хорошо. Пришлось, скрипя зубами, затолкать весь этот хлам в сундучок и задвинуть в дальний угол.

Вот теперь можно было и антураж сменить. То и дело на-

тыкаясь взглядом на портреты суровых отцов-основателей, я чувствовала себя провинившейся студией, а не всемогущим в этих стенах ректором.

«Посмотрим, как вам такие перемены понравятся, дорогие родственнички», – чокнутым розовым пегасом проскакала по мозгам нахальная мысль, и я закатала рукава.

Для начала скучная живопись отправилась в заросшую паутиной кладовку – там ей самое место. Уж не знаю, что в этом закутке хранил дядюшка. Судя по толстому слою пыли, он вообще не подозревал о его существовании. Избавившись от неодобрительных взглядов напыщенных предков, моя фантазия разгулялась во всю ширь. Нейтрально-бежевые стены покрылись темными резными панелями. Массивный письменный стол и кожаное кресло я, подумав, оставила на месте, а вот нудные конторские шкафы превратились в мраморные гробы разной степени ободранности. Вместо чернильного прибора на столешницу приземлился череп. А над каминной полкой появилось несколько самых отвратительных голов из моей коллекции трофеев. Разумеется, и чернильница, и зубастые морды были всего лишь иллюзией, но я пообещала себе сегодня же перетащить сюда оригиналы из своих дворцовых апартаментов. На стене прямо напротив двери нашлось место для моих любимых парных мечей, пожалуй, единственного оружия, кроме магии, с которым я управлялась достаточно хорошо.

С удовлетворением окинув долгим взглядом дело своих

шаловливых ручек, я ухмыльнулась. Если когда-то тут и был рабочий кабинет зануды-ректора, то теперь об этом ничто, кроме стола, не напоминало. Впрочем, и этого уродца сменит что-нибудь более интересное, как только я придумаю, что именно.

Радостно потирая руки, я уже шагнула было к спальне, как в дверь вежливо постучали. Мое злорадное «Войдите!» выражало что угодно, только не радушие...

Однако профессору Карне чувство самосохранения было чуждо. Она только приглушенно охнула и покачнулась. Кажется, ей не понравилась оскаленная морда караска-вампира. Этот милашка на всех так действует, чего стоят одни сетчатые глаза-плошки, не говоря уж о полуметровом жале.

– Пр... Профессор Аленна, я пришла напомнить вам, что обед через полчаса, – пробубнила она, с трудом взяв себя в руки, – а вы еще не одеты.

– В Академии стихий принято, чтобы профессор истории приглашал ректора на обед? – язвительный смешок сорвался с губ сам, честное слово.

– Нет, но ваш дядюшка попросил меня присмотреть за вами на первых порах, – заявила она, опять поджав тонкие губы. Похоже, насмешка привела эту сушеную шуку в чувство гораздо быстрее, чем мне бы хотелось.

– Вот с дядюшкой об этом и поговорите, когда он сюда вернется, – фыркнула я и мысленно добавила: «И я с ним на эту тему обязательно пообщаюсь, демоны бы его забрали!»

– Но...

– Никаких «но», – отрезала я, чувствуя, что опять закипаю. – Я не собираюсь обедать в компании студюзов. И уж тем более я не надену на себя это попугайское оперенье! – Мой палец уперся в расшитую золотом голубую мантию, которую Карна благоговейно держала на вытянутых руках. – Даже если это очередная ненормальная традиция вашей академии!

– Это теперь ваша академия, – тихо поправила профессор.

– Тогда вам стоит об этом почаще вспоминать! – фыркнула я. – Потому что в *моей* академии традиции устанавливаю я! И отменяю, кстати, тоже. И первая отмененная традиция – показушные обеды в общем зале. Вам все ясно, профессор Карна?

– Но...

– Опять «но»?! – вот теперь я обозлилась окончательно. – Вы так много времени уделяете просьбам моего дядюшки, что меня удивляет, когда же вы, собственно, успеваете выполнять свои обязанности. Может быть, стоит проверить, как ваши студюзовы, например поток боевиков, усваивают теоретический материал? И подумать, не отменить ли еще одну традицию: преподавание в стенах академии истории?

Я знала, куда бить. Не так много времени прошло с моего собственного обучения в этой самой академии. Историю боевики вроде меня ненавидели всеми фибрами своей души

и учили только под угрозой исключения. Ну зачем силовикау знать, в каком году очередной свихнувшийся научник изобрел еще одно идиотское зелье, или как звали супругу почившего в Создателями забытом году древнего генерала?

– Как вам будет угодно, госпожа ректор, – вздернула подбородок профессор Карна и выплыла за дверь.

Слава Создателям, голубой кошмар она забрала с собой, избавив меня от необходимости снова разжигать огонь в камине.

– И за что мне это?! А ведь раньше я любила этот город! – рыкнула я, с тоской вспоминая питругский трактир «У наемника», где не раз весело проводила время.

Впрочем, а что мешает мне повторить это сейчас? Ведь на ректорскую цепь посадили Аленну, а Рагетта вполне может пропустить кружку-другую вина в хорошей компании.

Но мечты так и остались мечтами... Кто-то из древних сказал: «Хочешь насмешить Создателей – расскажи им о своих планах». Не помню, кто там был такой умный, о моей «горячей» любви к истории уже упоминалось, но правдивость этого утверждения пришлось испытать на собственной шкуре. Едва я, завернувшись в привычный серый плащ, шагнула к порталу, как на столе ожил забытый кристалл связи. Да как ожил! Он вертелся на столешнице взбесившейся саламадрой, рассыпая вокруг алые искры. Опять Па пользуется экстренной связью. Такой вызов фиг проигнорируешь – мертвого подымет. И соврать, что меня уже на месте не бы-

ло, тоже не получится: предательская хреновина сразу доложила, что носитель рядом. Хотя я и так бы ответила. Экстренная связь доступна только правителю, и ответить на него обязан любой, даже дочь этого самого правителя, чтоб ему охрипнуть.

Выругавшись сквозь зубы, я развернулась.

– Почему так долго? – вместо приветствия спросил Па.

– Лечила заикание, – буркнула я. – Сколько раз говорила, что ненавижу резкие звуки?

– Слышу, что лечение было успешным, – хмыкнул папочка. – Столько яда в голосе...

– Ну что вы, ваше величество. Какой яд? Только верно-подданнический восторг послушной дочери. А еду приказа, на какой границе бить чернаков. Экстренную связь же для экстренных случаев вроде войны придумали?

– Язва...

– Ах, не война? Ну простите великодушно, ваше величество. Так куда лететь, где спасти народ? Раз уж правитель по такой связи дочь вызывает, значит, что-то серьезное случилось. Тут за стенами академии совсем от жизни отстаешь, мира не видишь... – продолжала юродствовать я.

– Ты за этими стенами еще и суток не провела, нахалка, – зарычал царственный родитель.

– Да? Так время, оно всегда в тюрьме медленно тянется. Для свободы – сутки, а тут...

– Ну хватит! В академии ты обедать не желаешь, поэтому

будешь есть в семейном кругу. Эту традицию тебе не отменить. Все. Чтоб через полчаса тут была!

Кристалл жалобно пискнул, и связь прервалась. Похоже, папочка в нервах просто раздавил свой. Я швырнула артефакт на стол и с размаху плюхнулась в кресло. Кто бы мог подумать, что профессор Карна так оперативно наябедничает дядюшке, а тот сразу рванет к царственному брату?

* * *

Приказ правителя есть приказ правителя. Даже если правитель отдал его собственной дочери. Я достаточно хорошо знала собственного Па, чтобы догадаться о значении гортанного бульканья, проскользнувшего в последней фразе. Папочка был в бешенстве. А когда Па в бешенстве, он может и гвардейцев прислать за непокорной дочуркой, с него станется. И что тогда? Устроить маленькую войнушку с догонялками прямо в храмовом городе? Я, конечно, к Создателям относилась довольно равнодушно, но даже самые отвязные гуляки не обнажали оружие в Питруге. И мне не хотелось на собственном опыте узнать, что бывает с теми, кто нарушает эту традицию.

– Что-то многовато традиций вокруг меня в последнее время, – этот стон сорвался с губ сам собой, пока я настраивала личный ректорский портал на свои комнаты в Столице.

Ровно тридцать минут спустя передо мной распахнулись

разукрашенные эмалями двери Малого обеденного зала. Действительно, семейные посиделки. Во главе стола – Па. Неодобрительно скривившись, он смерил меня недовольным взглядом. И что теперь не так? Ах да. Я же переодеться за-была... По правую руку от него – дядюшка, тот вообще не смотрел в мою сторону, с кислой миной сворачивая салфетку, словно это было делом государственной важности. Слева – Макса. Братец приветственно взмахнул рукой. Ну хоть кто-то рад моему появлению.

Дождавшись, пока я усядусь у противоположного края в кресло хозяйки этого фарса, еще одна глупая традиция, Па царственным жестом стряхнул с пальцев искорку призывающего плетения. «Интересно, кому нужны эти церемонии, – думала я, со скукой наблюдая за суетой многочисленных слуг. – Неужели даже в своем кругу нельзя обходиться без них. Куда приятнее руками отодрать капающую жиром ножку только что испеченного на вертеле гуся и вцепиться в нее зубами. Но нет... Надо дожидаться, пока кусок мяса кто-то выложит тебе на тарелку, а потом кромсать его несуразными приборами. И не дай Создатель перепутать нож для птицы с ножом для рыбы – возмущенные взгляды обеспечены. Не то чтобы я не умела всем этим пользоваться. Уж такие навыки воспитатели вбили в царских отпрысков намертво... Но как же меня это раздражает. Наверное, всевозможные церемонные посиделки и есть одна из причин того, что я при любой возможности удираю из дома на тракт...»

Обед прошел в полном молчании. Па то и дело метал в мою сторону колючие взгляды, но испортить здоровый аппетит не сумел. Под скрестившимися взглядами семейства я медленно поглощала какой-то ядовито-сиреневый десерт с воздушным кремом. А что? Ратовали за традиции – соблюдайте. Семейный обед отличается от официальных только одним: со стола не убирают, пока все не насытятся. Во всех прочих случаях тарелку выдернут у вас из-под рук, как только его величество, волей Создателей правитель Белого континента, соизволит бросить салфетку поперек подноса с приборами. Дразнить медленно наливающегося дурной красной папочку было весело, но в какой-то момент я поняла, что если проглочу еще хоть кусочек, то просто лопну. Радостный вздох дядюшки прокатился по залу, пока уносили блюда, и вызвал недовольный взгляд Па. Очень недовольный. Это что же за рыжая кошка махнула хвостом между ними?

Ответ пришел, как только мы снова остались в семейном кругу.

– Я рад, что ты отдала должное десерту. Говорят, ягоды, из которых он сделан, хорошо влияют на умственные способности, – проговорил Па, пригубив вино из высокого бокала. – По крайней мере, вид у тебя был очень задумчивый. Действует?

– Как раз пытаюсь решить, – буркнула я, не понимая, куда клонит папочка.

– Очень надеюсь, что действует. Должность у тебя теперь

ответственная. Как, кстати, на новом месте?

Ну, правильно, вот мы и подошли к главному вопросу!

– Да вот, думаю, что бы такого хорошего сделать на благо образования. Пока склоняюсь к мысли начать с увольнения парочки особо замшелых преподавателей, – закинула я удочку.

Посмотрим, как вам понравится такая идея нового ректора. Дядюшка меня не разочаровал. Он просто задохнулся от возмущения:

– Что я тебе говорил? Да она...

– погоди, брат, – поднял руку Па и с явной заинтересованностью посмотрел на меня. – И кого же ты собираешься уволить, Аленна?

У некоторых людей бывает такое понятие, как чувство самосохранения. Ну знаете, такой внутренний звоночек, который трезвонит, если вздумается сунуть голову в пасть голодному вурдалаку. Так вот, у меня он отсутствует. Поэтому я не обратила внимания ни на офигевшее выражение лица дядюшки, ни на нарочито участливый тон Па. И с грацией мастодонта поперла по намеченному плану:

– Профессор истории Карна – первая на очереди. Уж и не знаю почему, но она уделяет в разы больше внимания моей персоне, вместо того чтобы учить студентов.

– Так-так, – его милость просто лучился интересом. – У тебя есть еще кандидаты на увольнение?

Впоследствии, когда я вспоминала этот разговор, то при-

шла к выводу, что у меня вместо вышеупомянутого звоночка есть его антипод. Почему, иначе, я так радостно сунула голову в петлю?

– Пока нет. Но я собираюсь в ближайшее время устроить проверку, походить на лекции. Сомневаюсь, что только профессор Карна манкирует своими обязанностями, – сладко пропела я, любуясь багровой физиономией дядюшки и совершенно упуская из виду Па. А зря... Ой как зря!

– Карна служит в Академии стихий уже больше пятидесяти лет, девчонка! – взорвался бывший ректор. – Я сам попросил ее присмотреть за...

– А я попросил тебя помолчать, брат, – предостережение, явственно прозвучавшее в царственном голосе, не услышал бы разве что глухой. Дядюшка захлопнул рот на полуслове. – Профессор, «присматривающий» за ректором. Оригинально. Возможно, лэрра Карна и неплохой преподаватель, но она плохо ориентируется в сословных отношениях, что для профессора истории недопустимо. Не думал, что придется тебе напоминать об этом, брат, но «присматривать» за ректором Академии стихий могут только правитель и, в какой-то ограниченной мере, Совет. Я утверждаю твое решение, Аленна. Можешь выписать лэрре Карне уведомление об увольнении.

Дядюшка скис, а я едва удержалась от победного вопля: теперь-то я знаю, как избавиться от ненавистного кресла в кратчайшие сроки! Ага. Рано обрадовалась. Па, оказывает-

ся, еще не закончил.

– А пока ты подберешь нового кандидата на эту должность, будешь читать лекции по истории сама: вряд ли ты уже успела забыть, чему тебя учили. Впрочем, освежить в памяти второстепенные события не составит труда для тебя, не так ли?

– Эмм... – проямлила я что-то невразумительное просто ради того, чтоб не молчать совсем уж тупо. Я? Читать историю? Да Па с ума сошел! Если я и ненавижу что-то больше, чем зельеварение, так как раз историю... Хуже не придумаешь!

Но две минуты спустя оказалось, что еще как придумаешь, и Па мне это моментально доказал:

– Кроме того, я полностью одобряю твою идею о полномасштабной проверке. Давно пора проконтролировать, что там происходит. А то дотации из казны идут огромные, а целители и боевики из стен Академии все чаще выходят криворукие!

Дядюшка во время этой гневной тирады только глупо шлепал губами, не в силах выдавить из себя ни звука. Впрочем, судя по тому, как откровенно веселился Макса, подозреваю, что и я выглядела не лучше.

– Так что я буду с нетерпением ждать твой развернутый доклад, – как ни в чем не бывало продолжал его величество. – Только соразмеряй свои силы, Аленна. Возможно, тебе не стоит гнать всех лентяев сразу. Годного преподавателя

на освободившееся место найти непросто, а я не хочу, чтобы моя дочь свалилась где-нибудь в обморок от переутомления. Тебе и так по двум предметам лекции читать. Да и прочие обязанности никто не отменял.

Кое-как собрав разбежавшиеся мысли в кучку, я подавила желание удрать на ближайšie пару лет куда-нибудь на окраину. Па взялся за меня всерьез, можно было не сомневаться, что искать блудного ректора будут упорно и в конце концов обязательно найдут. Надо было срочно спасать ситуацию.

– Насчет профессора Карны я пока не решила, – голос прозвучал так жалко, что пришлось промочить горло глотком какой-то приторно-сладкой дряни, по недоразумению именовавшейся у нас дома вином. – Попробую еще раз объяснить ей ошибочность ее поведения, посижу на лекциях. Дядюшка вот считает лэрру хорошим преподавателем, опять же, не первый год работает... Надо дать ей шанс...

– Правильно, – одобрительно улыбнулся Па. – Не рубишь с плеча, взвешиваешь. Молодец! Что я тебе говорил, брат? Посмотри, какая смена тебе выросла.

– Да я и сам бы... – начал было дядюшка, но под тяжелым взглядом его величества, так резко контрастирующим с добродушным тоном, смешался и замолк.

Недоумевая, я переводила взгляд с одного на другого: что-то между ними произошло... Но задуматься надолго мне не дали.

– В общем, трудись, дорогая дочь, – возвестил Па. – На

благо народа, на радость родителю...

О... ну все, пошел пафос, пошел. Такой концентрации сладкой патоки я не выдержу – меня вырвет прямо на узорную скатерть.

– Да, ваше величество. Действительно пора, – кивнула я, поднимаясь. – Закончилась моя вольница, теперь приходится рассчитывать свое время. У меня еще там куча документов не обработанных. Кстати, дядюшка, тот странный свиток про сто немагических способов увеличения какой-то части тела я случайно уронила в камин. Надеюсь, там не было ничего невозможного?

Эту фразу я бросила уже у самого выхода и, секунду полюбовавшись снова побуревшей физиономией чертова родственничка, выскользнула в коридор. Я мстю, и мстя моя ужасна! То есть мечь моя ужасна. Пусть теперь дядюшка повернется, как угорь на сковородке. Вопросительный взгляд Па я краем глаза еще заметить успела. А уж его величество обязательно вытрясет из своего братца, что он там собирался увеличивать такими дикарскими способами.

«Что ж, с дядюшкой расплатилась, – размышляла я, шагая к дворцовому телепорту. – Кстати, с царственным Па бывший ректор, похоже, поцапался всерьез. Вопрос: почему. Неужели он не так уж стремился посадить меня в свое кресло, как я думала? Надо будет как-нибудь Максиму расспросить, может быть, братец что-то слышал... Впрочем, какая разница, что там хотел дядюшка? Решал-то все равно Па. И только

Па может избавить меня от ненавистной ректорской мантии.
Но вот как заставить его это сделать?»

Глава 2

Не все то мужик, что ректорствует

Прикидывая разные варианты, я и не заметила, как снова оказалась в ректорском кабинете. Очередной день прошел и ни на шаг не приблизил меня к решению моей проблемы. Я могу забить на ректорские традиции, вести себя как угодно «неправильно» и все равно останусь в этом кресле. Я могу поувольнять к ифитам половину преподавателей, но добьюсь лишь того, что сама буду читать нудные лекции вместо них. Да и не больно-то мне понравились взгляды, которые бросал на меня его величество. Слишком уж сильно злить царственного Па все-таки не стоит. Неужели все? Посадили Рагетту на ректорскую цепь, как дикого зверя?

Я злобно тряхнула головой: нет уж! Мы еще посмотрим, кто кого. Я обязательно придумаю, как сделать так, чтобы дражайшие родственнички сами попросили меня оставить Академию стихий в покое. Еще и десяток-другой лет свободы у них выторгую в обмен! Придумать бы теперь, как воплотить этот гениальный план в жизнь, цены бы мне не было...

Я рухнула в кресло и кисло посмотрела на сапоги. «Эх, сейчас бы на тракт, к костерку... И сапоги стаскивать не надо», – медленно проползла в голове тоскливая мысль, и тут

из моей спальни донесся отчетливый шорох.

Мое высочество выбросило из уютного гнездышка, как ядро из пушки. Уж то, что в апартаменты ректора невозможно попасть в отсутствие хозяина, знали все, кто учился в Академии стихий хотя бы месяц. Прекрасно помню, как неделю ходила с огромным носом после того, как попыталась стащить отсюда отобранную дядюшкой книгу. А ведь я даже дверь вскрыть не успела... И тем не менее в ректорской, то есть теперь уже в моей, спальне кто-то был. И я его не приглашала! Вор? Наемный убийца? Отличненько. Мне как раз надо на ком-то сорвать свое плохое настроение.

Все эти размышления не помешали мне в одно мгновение окутаться тусклым сиянием щита. Искра парализующего плетения замерла между пальцами. Парные мечи сорвались со стены, и секунду спустя ремни ножен захлестнулись крестом на груди. Ощутив за спиной привычную тяжесть, я сразу почувствовала себя увереннее. А что? На свете хватает монстров, которые неуязвимы для магии, лучше подстраховаться. Урок, преподанный василиском пару недель назад, еще не успел выветриться из моей головы.

– Любовь моя! – из-за приоткрытой двери донесся писклявый голосок с претензией на томность. – Иди же скорее ко мне!

– Чего? – опешила я, на остатках бдительности пинком распахивая дверь.

– Сенюшка! – В моей постели сидела тощая полуголая де-

вица и протягивала вперед костлявые ручонки.

Впрочем, ждала она явно не меня. Узрев на пороге вместо любезного Сенюшки, зная бы еще, кто это такой, меня, девица запахнула на груди кружевную тряпку и злобно поинтересовалась:

– А ты кто еще?!

– Да так, мимо проходила, – хмыкнула я, прислонившись к косяку.

Вор? Убийца? Это я размечталась. В моей постели устроилась, судя по ауре, весьма посредственная магичка. Из ректорских апартаментов в отсутствие дядюшки уже успели устроить дом свиданий?

– Мимо проходила?! – взвизгнула незваная гостья. – Этот мерзавец жениться не успел, а уже полюбовницу завел?!

– Ну-ну, полегче, – я легко отвела простенький сглаз, которым пулынула в меня малолетняя истеричка.

– Сейчас потяжелее получишь, змея! – заорала она, выпутываясь из складок атласного покрывала. – Я тебе все космы повыдержваю! Глаза выцарапаю!

К собственной внешности я всегда относилась наплева-тельски, а вот глаза мне нужны. Слепых боевых магов я пока не встречала. Поэтому покрывало быстро спеленало девчонку, в разы поумерив ее активность. Не поскупилась я и на хитрое маленькое плетение из разряда запрещенных: Туман доверия. Ничего серьезного, просто вызывает постепенный прилив дружеских чувств к собеседнику. Проходит, кстати,

бесследно для жертвы, в отличие от других запретных заклятий. Ну разве что девица потом удивится, с чего это вдруг разболталась.

– Давай рассказывай, болезная, что ты тут делаешь, – я присела на пуфик в углу. – Можешь начать с того, кто такой Сенюшка и почему ты решила подождать его здесь?

Студиоза, а сейчас я уже уверилась, что это именно студиоза, причем не из лучших, молча пыталась освободиться, метая в мою сторону злобные взгляды.

– Будешь молчать, вышвырну в коридор прямо так, – пригрозила я. – Посмотрим, кто тебя утром найдет, студиозы или уборщики.

Реакция оказалась вполне предсказуемой – девица разрыдалась. Однако, убедившись, что слезы на меня действуют так же плохо, как и угрозы, она быстро угомонила и, шмыгнув покрасневшим носом, спросила:

– А ты точно не за Сенюшкой притадилась?

– Я даже не понимаю, о ком ты, – я пожала плечами. – Мужиками, чтоб поджидать их полуголой в постели, не интересуюсь.

– А... Так ты из этих, – с явным облегчением протянула она.

– Ну и что ты тут делаешь? – уточнять, из каких таких «этих», было лень.

– Распутай, – вместо ответа попросила девица.

Я щелкнула пальцами: никакой опасности девчонка не

представляла. Сбросив скользкие складки покрывала, гостья вытащила из-под кровати серую мантию студюоза-целителя и натянула ее поверх кружевного пеньюара.

– Ты точно не к Сенюшке сюда явилась? – в очередной раз уточнила любвеобильная студюоза. Моей злобной гримасы в качестве ответа ей хватило, и она расслабленно развалилась на кровати. – Я сегодня слышала, как преподы про ректора говорили. Думала, Сенюшка вернулся. Хотела ему сюрприз сделать, а тут ты.

– Сенюшка... – протянула я, медленно соображая, кого так называет девчонка. – Так ты про бывшего ректора? Про д... кхм... Симеона?!

– Ну да. Я его Сенюшкой зову, ему нравится. Наедине, разумеется. На людях он такой бука. Говорит – конспирация, – девица захихикала. – Зачем она нужна? И так все знают, что мы вместе.

Только королевское воспитание помогло мне удержать на лице равнодушное выражение, а не разинуть рот, как последняя деревенская черначка. Дядюшка Симеон, ректор Академии стихий, связался вот с этим?! Этой...

– Сенюшка предупреждал, что его какое-то время не будет, а потом, когда принца отсюда выгонят, он вернется. Я думала, уже...

– погоди, не так быстро, – я чувствовала, что стремительно теряю нить разговора. – Какого принца? Ты о чем вообще?

– А, – рассмеялась она. – Ишь как глазки засверкали. За принцем сюда явилась?

На этот раз мне не помогло и воспитание. Я тупо уставилась на студиозу, совершенно не понимая, что она несет. А девчонка, не обращая никакого внимания на мою офигевшую физиономию, поудобнее устроилась на кровати и продолжала:

– За принцем – это ты зря. Не получится ничего. Ты, кстати, с какого факультета? Что-то я тебя не помню. Первокурсница?

Девушка окинула меня пристальным взглядом. Впечатление было такое, будто каждая вещь, начиная от оружия и заканчивая сапогами, вдруг заполучила ценник. Надо признать, что аристократку она распознала мгновенно, и узкое личико сразу расплылось в дружеской улыбке. Непонятно только, что послужило причиной: мое плетение или то, что за любой из моих мечей можно было купить небольшой замок в провинции. Однако, а девочка та еще щучка. Интересно, куда смотрел дядюшка, связавшись с этим костлявым казначеем?

– Понимаю! – воскликнула она, завершив осмотр. – На домашнем обучении была, а на экзаменационный год предки в Академию отправили?

– Ну что-то в этом роде, – ухмыльнулась я. Стало любопытно, какие еще выводы сделает малолетняя нахалка. Посмотрим, как вытянется твоя физиономия, когда я скажу, с

кем ты так мило болтаешь.

– Значит, угадала! Да я бы и сразу догадалась, но темно тут. Для первокурсницы ты – старовата. Могу и остальное сама сказать, раз ты стесняешься. Учиться будешь, скорее всего, на боевом. Где еще дуру с мечами встретишь? Ты не обижайся, но кто же на свиданку с оружием прется? Мужчинки сильных девушек не любят. Надо быть слабой, нежной и томной. Вот тогда они в кисель растекаются! Кстати, меня Лайана зовут. Я тоже на выпускном потоке, а после дипломной за Сенюшку замуж выхожу! Слушай, а где ты порт-ключ в комнаты ректора взяла? Небось, предки купили? Слушай, а они тебя что, специально из-за принца сюда засунули? Тогда ты в обломе, девушка! Можешь мне поверить.

Она трещала без умолку, не давая мне вставить ни слова. Впрочем, я и не пыталась. Когда еще удастся выяснить столько интересного о внутренних делах академии? Ни ректору, ни тем более дочери правителя никто такого не расскажет. Кто-то, возможно, вздумает напомнить мне, что я сама не так давно училась здесь и все это должна бы знать. Как бы не так! Вы что, всерьез думаете, что правитель, да и не только правитель, а и мало-мальски родовитый аристократ отправит своих наследников на семь лет учиться? Создатели знают с кем? Родовитые подростки учатся дома, а в Академию приходят всего на один год. Нам меняют внешность, а упоминать свои настоящие имена строго запрещено. Впрочем, насколько я знаю, никому это и в голову не приходит: слыш-

ком свежи еще в памяти несколько похищений. Удивляюсь, что традицию отправлять отпрысков в Академию стихий вообще не отменили после тех случаев.

– А что за принца отсюда выгнать должны? – прервала я нудный рассказ о том, кто с кем спит в общежитии студиязов.

– Так ты и правда не знаешь? – ахнула Лайана. – Из какого захолустья ты приехала? Скажи спасибо, что тебе я попалась: все расскажу! А то была бы ты среди девчонок дура душой. В общем, слушай. Сенюшку правитель призвал. Не справляется с чем-то там без мудрого брата. Но как же Академка без ректора? Вот и поставят сюда кого-то из принцев. Временно, пока Сенюшка не вернется.

– А почему именно из принцев? – хмыкнула я. – Разве больше некого?

– А кого еще? – она с явным превосходством пожала плечами. – К твоему сведению, ректором Академии стихий может быть только тот магик, у которого в жилах течет королевская кровь! Сенюшка правителю нужен, значит, остаются только Максиан и Алексан.

– А больше у правителя детей нет, что ли? – подначила дуручку я, развеселившись окончательно.

– Есть, конечно, но кто же мальчишек десятилетних ректором поставит? Глупости не говори!

– Значит, или Максиан, или Алексан?

– Ага! Наши девчонки все про них знают. «Ах, Максиан

такой душка!», «Ой, Алексан такой умный!» Дуры, ничего им не светит. Алексан, я слышала, из этих... Которые на девушек не западают от слова совсем.

– Это из каких? – опешила я. Мой братец, конечно, тот еще идиот, но мальчишками точно никогда не интересовался.

– Говорят, он в монхи подался, – понизив голос, доверительно прошептала Лайана.

Я с трудом удержалась от смеха: вот как, оказывается, в народе интерпретируют отшельничество моего ученого братца. Надо будет Па рассказать, пусть посмеется.

– А Макса... То есть Максиан тебе чем не угодил?

– Так он же Преемник! Есть, конечно, дурочки, что о нем мечтают. Много. Кто-то сказал, что Максиану брюнетки нравятся, теперь на каждой лекции стая ворон сидит. Все перекрасились, – она презрительно махнула рукой. – Говорю же, дуры. Максиан, разумеется, симпатяшка, но правитель не позволит ему жениться на ком попало.

– А Симеону, значит, позволит? – усмехнулась я. Беседа начала мне надоедать.

– Сенюшка сказал, что ради нашей любви откажется от титула. И тогда правитель ему будет не указ. А я думаю, правитель скандала не захочет и быстренько мне какой-нибудь титул организует. Ну и именице к нему. Так что ты правильно делаешь, что меня слушаешь. Я, может, сейчас и без титула, но через годик всякие заносчивые дуры мне кланяться будут.

«Титул... – фыркнула я про себя. – Можно подумать, королевскую кровь из-за титула, как породистых собак, скрещивают!»

Но выдавать государственную тайну, которую и сама-то не так давно узнала, малолетней дурочке я, разумеется, не стала. Вместо этого просто повернула камнем вверх фамильный перстень и, щелкнув пальцами, заставила загореться свечи.

– К твоему сведению, Лайана, у нынешнего правителя, кроме сыновей, есть еще и дочь.

– Да ну! Глупость. Аенщина-ректор? – расхохоталась девчонка. – Быть такого не может! Да и потом, говорят, она настолько страшная, что правитель ее до сих пор замуж выдать не может – женихи разбегаются! Поэтому ее никто толком не видел. Прячут «красотку», чтоб не позориться.

– Даже так? Страшная, говоришь?

Я демонстративно протерла камень с гербом правящего рода, из-под ресниц наблюдая, как бледнеет девчонка. Невнятное мычание оказалось единственным, что она смогла озвучить.

– Больше ничего интересного не расскажешь? Нет? Тогда вон отсюда, гетера малолетняя! – фыркнула я и стряхнула с пальцев две искорки.

Одна распахнула окно, а вторая воздушным потоком вынесла девчонку наружу. Запоздалый визг донесся уже из парка. И зачем кричать? Ничего с ней не случилось, падение остановилось в метре от земли. А то, что дурочка обдела-

лась, пока туда долетела, это ее проблемы.

* * *

Надо ли говорить, что спать я легла еще не скоро? Сперва пришлось вызвать духа, чтоб перестелил постель. Странное дело. Я никогда не отличалась особой брезгливостью. Заснуть после попойки на полу трактира вповалку с наемниками – такое бывало. Задремать под кустом или на обочине, если поблизости не оказалось трактира – всегда пожалуйста. Но вот ложиться на простыни, по которым елозила костлявым задом невеста дядюшки, мне не захотелось.

Пока прислуга занималась бельем, я лениво наблюдала за переполохом в парке под окнами. Десяток светляков заливал поляну ярким светом, и обзор был лучше, чем из королевской ложи в театре – все как на ладони. Первыми, разумеется, прибежали дежурные студиозы. Будущая целительница, выбирающаяся задом наперед из колючих кустов, вызвала взрыв громового хохота. Следом прискакала профессор Карна в цветастом халате поверх ночнушки. Она зрелище не оценила, и ее возмущенные вопли перебудили тех, кто не успел проснуться от визга падающей девчонки и гогота зрителей. Окна общежития напротив вспыхивали одно за другим, через подоконники перевешивались полуодетые студиозы... Сообразив, что через несколько минут любопытная толпа наплюет на правила и выплеснется посреди ночи в тем-

ный парк, Карна подцепила всклокоченную виновницу торжества под локоток и повела к корпусу преподавателей.

Отсмеявшись, я закрыла окно и вернулась в кабинет. Сна не было ни в одном глазу. Нет, все это, конечно, безумно весело, но на тракте-то гораздо веселее. Да и вряд ли каждый вечер ко мне будет вваливаться очередная дура, чтобы не дать госпоже ректорше заскучать окончательно.

Плюнув на здоровый сон, я поднялась. Отправлюсь-ка я все-таки в трактир: знакомство с первым студиозом стоит отметить. Хорошо, что мне положен личный портал. Можно не тащиться коридорами, набитыми растревоженными преподавателями и духами.

Полчаса спустя мое высочество уже восседало за обшарпанным столом в трактире «У наемника» с кружкой вина.

«Вот оно, счастье», – подумала я, и в то же мгновенье едва не воткнулась носом в упомянутую кружку, получив увесистый шлепок между лопаток.

– Рагетта! – рыкнул смутно знакомый голос у меня за спиной. – Куда пропала, бродяга?

Только один человек, если можно так назвать отпрыска гнома и тролихи, приветствовал меня таким образом.

– Крупп... – проворчала я, медленно оборачиваясь. – Я тебя в прошлый раз предупреждала?

Искра сорвалась с ногтя синей молнией, и полугном взлетел под потолок, с хохотом размахивая длинными ручищами. «На полпальца не достал, паршивец, – успела подумать

я, отшатнувшись от лопатообразной пятерни, мелькнувшей перед самым носом. – Хороша была бы ректорша с фингалом...»

– Я тебя предупреждала, что об меня чесать кулаки нельзя?

– Дык я ж со всем почтением, госпожа магичка, – гоготал он. – Легонечко, как котенка погладил!

Завсегдатаи застучали кружками по стойке:

– Так его, Рагетта! Допрыгался, остряк хренов!

Крупп, несмотря на неудобную позицию, метко засветил особо ретивому крикуну своей опустевшей кружкой, предварительно гигантским глотком допив то, что еще не успело пролиться на посетителей внизу.

– Рагетта, – проворчал хозяин, неодобрительно посмотрев на расколовшуюся о чугунную башку наемника посудину, – за бой я с тебя спрошу. Крупп со вчерашнего дня и так в долг пьет.

– Да ладно тебе, Адам. От одной кружки не обеднеешь. Ты их связками покупаешь за грош десяток.

– Если каждый из вас, душегубов, за вечер одну кружку разобьет, я через месяц разорюсь! – завел знакомую волюнку трактирщик.

– Да не ной уж, – усмехнулась я, бросив на стол мелкую серебряную монету. За время моего отсутствия не изменилось ничего, даже Адам ныл точно так же, как и раньше. – Всем по кружке твоей кислятины за мое здоровье!

– Эй! Рогетта! А мне? – впервые выказал беспокойство Крупп.

– Народ наемный, – я развернулась к стойке спиной, обводя довольным взглядом штук двадцать рож разной степени ободранности.

– Рогетта, да ты что?! – возмущенно заорал полугном, перебивая тост.

Я демонстративно поковырялась в ухе:

– Ветер в трубе гудит, что ли? Вроде, и выпить не успела, а голоса какие-то чудятся. Ладно. О чем это я? Ах да! Народ наемный!..

– Рогетта! Зараза! – буквально взвыл оскорбленный в лучших чувствах Крупп.

– О, брат! – притворно удивилась я, поднимая голову. Дольше тянуть было опасно, «брат» мог и запустить в меня чем-нибудь тяжелым, вроде сапога или ножен. Бывали прецеденты. – Что ты там делаешь?

– Люстрой работаю! – оскалился полугном. – Не видишь, что ли? Так что ты мне мою посудину сюда левитируй, если твоему ведьмовству не трудно.

– Конечно, брат! Трактирщик, бочонок вина сюда!

– О, да! – обрадовался Крупп. – С таким маслом я готов светить хоть всю ночь!

От хохота наемников затряслась не только люстра, но и вся таверна. Впрочем, я не отставала от них и в конце концов уронила полугнома на чей-то стол. Орк, внезапно обнару-

живший в своей тарелке чей-то здоровенный башмак, с минуту подумал и перекинул ошарашенного падением Круппа на соседний стол. А так как силушкой наемника Создателя не обделили, шваркнулся тот знатно.

Минуту спустя потасовка стала общей. Я только и успевала, что отпихивать ногами особо ретивых драчунов. Высмотрев красную телогрею, я выдернула полугнома из свалки, прямо из-под табурета, который собирался опустить на его лохматую голову обозленный орк. Мы устроились в относительно безопасном углу за стойкой и чокнулись найденными тут же кружками.

– За народ наемный! – воскликнул Крупп.

Я кивнула и, выбросив из кружки дохлого паука, свалившегося откуда-то сверху, глотнула кислого вина.

– Рагетта! – прикрывая закопченным котелком голову, к нам на четвереньках подполз Адам. – Ведьма ты, Создателями проклятая! Они же разнесут таверну к ифитам! Кто за это заплатит?!

– Не зуди, хозяин, – отмахнулась я. – ну пошуршат ребята немного, разомнутся. Ничего не станется с твоим заведением!

– Стража набежит, Рагетта, – продолжал причитать толстяк. – Опять меня оштрафуют! Откуда ты снова взялась на мою голову, бешеная ведьма?!

– Стража? – хохотнул Крупп. – Посмотрел бы я на того бесстрашного стража, который сунется хмельной народ на-

емный разнимать. Никто не придет, папаша, не стони. Что, в первый раз, что ли?

– В том-то и дело, что не в первый, а Создатели не сосчитают, в какой! Три месяца назад, аккурат, как вот эта вот проклятая ведьма тут гуляла, что было? Четыре табурета в щепу раздолбали! Семнадцать кружек расколотили! Стол на доски разобрали! И бочонок раскололи, ифиты бешеные! Бочонок-то вам чем не угодил? А, Крупп? Кто тебя просил ободья голыми руками рвать?!

– Так поспорили же, – пожал широченными плечами полугном. – И заплатили тебе. Чего еще-то?

– А в префектуре я потом штраф оплачивал за беспорядки! – взвыл трактирщик. – Это мне кто вернет?!

– Со стражей сам договаривайся, – буркнула я, сунув в потную ладонь несколько монет. – И не зуди над ухом.

– Вот-вот, папаша, – вмешался Крупп, нахлобучивая котелок на голову хозяину и разворачивая его к проходу. – Дай посидеть культурно.

– Сидите уж, ифитовы дети, – махнул рукой хозяин и, придерживая чугунный головной убор, то и дело сползающий на глаза, пополз обратно.

Потасовка над нами потихоньку стихала, но выбираться в зал не хотелось ни мне, ни тем более полугному, нежно обнимавшему бочонок с кислым вином.

– Где пропадала, Рагетта? – спросил он, снова наполняя мою кружку.

– На тракте, как всегда, – пожалала плечами я.

– Смотрю, удачно, – хмыкнул Крупп, кивнув вслед до-
вольному хозяину.

– Нормально.

– Значит, повезло тебе. А Руст так и не вернулся. И Ден
тоже, – полугном выдохнул и залпом допил вино. – И слухи
нехорошие пошли.

– Какие еще слухи? – Дена я почти не знала, но с Рустом
не раз сталкивалась на тракте. В основном он сопровождал
караваны, сильный магик-боевик. Что с ним могло произой-
ти?

– Неясные. Что нехорошо на тракте магикам в одиночку
ходить. Можно и не вернуться.

– Да ну – отмахнулась я, припомнив, как чуть не отпра-
вилась в Бездну, заснув в норе василиска. – Тракт – штука
такая, чуть зазеваешься не вовремя – без головы оставит. Не
они первые сгинули. Совпадение просто.

– Может, и совпадение, – задумчиво покачал опустевшую
кружку Крупп. – Но ты все равно поосторожнее. Ты, конеч-
но, девка умная, образованная и все такое. Но и Руст не ду-
рак был...

– Не каркай, – от мрачного тона друга настроение стало
портиться. – Бездна для всех одна. Все там будем рано или
поздно...

– Вот и не спеши, – внезапно обозлился полугном. – И
вообще, завязывала бы ты с трактом...

– Еще чего! – возмутилась я. Еще только наемники меня жизни не учили.

– А того, – не сдавался Крупп. – Девка пригожая, самый сок. Пора и остепениться. И, вообще...

Тут он замялся и умолк, преувеличенно старательно наполняя наши кружки остатками вина из бочонка.

– Я домишко купил на южном побережье, – сказал он наконец, упрямо глядя в пол. – Не дворец, но жить можно. И виноградник свой рядом. Места много.

– Ты куда это клонишь, Крупп? – до моих затуманенных вином мозгов стала постепенно доходить тема разговора.

– А туда и клоню, – он вдруг поднял лохматую голову и уставился мне в глаза. – Ухожу я с тракта. Хватит шкуру под когти всякой нечисти подставлять. На ней и так живого места уже нет. Ты пару месяцев не появлялась, а без тебя вино горчит, как мой батя говорил. Поехали со мной, Рагетта.

– Куда? – тупо спросила я.

– На юг. К морю.

– Это ты мне так в любви объясняешься, что ли? – наконец, дошло до меня, и я расхохоталась на весь трактир. – Крупп, ты охренел!

– А чего сразу охренел-то? – набычился полугном. – Я почестному. Замуж тебя зову. Не все же по тракту, как собака бездомная, шастать.

– Не, брат, – я кое-как подавила неуместный смех. – Я еще пошастаю. Не тянет меня как-то... на юга.

– Ну мое дело предложить, – с заметным разочарованием он пожал широченными плечами. – Ты подумай. Там тепло. И виноградник свой. Короче, я еще с месяц в Питруге буду. Знаешь, где меня найти.

– Угу, – только и смогла проговорить я.

– Вот ведь ведьма ифитова, – невольно ухмыльнулся Крупн. – Я к ней со всей душой, а она ржет как лошадь!

– Ну и на кой тебе такая жена? – снова расхохоталась я.

– И правда. На кой? Ты даже готовить не умеешь. Помнишь, как весь караван, который мы по тракту вели, на два дня в кустах засел после твоей каши?

– А нефиг было меня к котелку отправлять, – фыркнула я, припомнив давнюю историю. – Говорила же, не умею.

Часа два мы, сидя под стойкой, стряхивали друг с друга пауков, пили кислое вино и вспоминали разные истории из нашего богатого арсенала. Наконец, полугном тяжело поднялся и, покачиваясь, выбрался из-под стойки. И тут же упал.

– Последний бочонок был лишний, – пробормотал он, подкладывая под заросшую щеку лопатообразную ладонь и явно намереваясь устроиться на ночлег прямо в проходе.

Я перехватила умоляющий взгляд трактирщика и со вздохом пнула друга под ребра:

– Проснись, пьяница!

Кое-как при помощи хозяина мне удалось затащить полугнома наверх в его комнатку.

– Рагетта, – окликнул он, когда я уже была на пороге. – Ты подумай. Я еще месяц тут буду. Последний караван провожу, и все. Подумай.

– Угу, – буркнула я, закрывая за собой дверь.

Придерживаясь за стену, я спустилась по шаткой лесенке в общий зал и, кивнув трактирщику, вышла на скупо освещенную редкими фонарями улицу. Над храмовым городом висели низкие темные тучи, готовые вот-вот разразиться дождем.

Я на минуту остановилась, решая, куда отправиться. Можно было переночевать дома. Слава Создателям, у меня, как и у любого отпрыска правителя, был особняк в Питруге. Но туда пришлось бы топтать минут тридцать, а, учитывая, что на ногах я держалась не так уж твердо, то и вообще час. А вот до Академии даже ползком минут десять.

– Кровать, готовься! Ректор идет! – хихикнула я и побрела к видневшимся над крышами шпилям с вымпелами Академии стихий.

Вскоре я уже колотила в высокие ворота. Наконец, со скрежетом открылось маленькое смотровое окошко.

– Открывай, давай! – нетерпеливо рявкнула я. Выпитое вино настойчиво просилось наружу.

– А что, у порога его светлость правитель Белого континента? – насмешливо поинтересовался сторож.

– Какой еще правитель? – опешила я, приплясывая на месте.

– Наш, Создателями призванный, – хмыкнул нахал.

– Ты, что, сдурел? – обозлилась я. – Открывай, болван!

– Права такого не имею, – с заметным удовольствием сообщил он. – Среди ночи могу открыть только Членам королевского семейства. Вы член?

– Да ты знаешь, кто я? – возмутилось мое высочество, разумно, впрочем, не озвучивая собственные регалии. Только скандала с пьяным ректором тут и не хватало.

– По голосу слышу, что не член, – с ленцой констатировал мерзавец. – Тогда кто? Профессоров я всех знаю. А больше никому по ночам открывать не положено. Тем более пьяным студиязам. Утром приходи, позову твоего куратора и пущу.

– Ах ты, скотина! Открывай, говорю!

Я со всей силы ударила кулаками в створку. Полыхнул зеленый отблеск, и меня отшвырнуло назад.

– Защита Академии расценивает твои действия как нападение, – хохотнув, пояснил он, пока я мотала головой, сидя в уличной канаве. – Может, заодно и намагичишь чего-нибудь? Будет еще веселее.

Даже до моих пропитанных вином мозгов дошло, что злорадное предвкушение в его голосе – это неспроста. Поэтому я, кое-как утвердившись на ногах, развернулась и потащилась прочь: «Завтра я с тобой по-другому поговорю, только ты меня не узнаешь, поганец!»

Глава 3

Аппетит проходит во время еды

Утро добрым не бывает. Эта мысль настойчиво вертелась в моей больной голове, пока я рылась на полке с зельями. Настой, избавляющий от последствий хорошей пирушки, именуемый среди наемников «похмелин», нашелся в самом дальнем углу. Впрочем, радостный возглас тут же сменился разочарованным стоном. Судя по дате на этикетке, он был давно и безнадежно просрочен.

Я швырнула бесполезный пузырек в ведро для отходов и, глухо ругаясь сквозь зубы, развернулась к длинному столу: придется заняться практическим зельеварением прямо сейчас. Ректор, распространяющий на десяток метров вокруг отвратительный запах перегара, станет слишком большим потрясением для Академии стихий.

На испещренную разноцветными пятнами и подпалинами столешницу спланировали корешки и несколько банок с порошками. Убедившись, что не ошиблась в выборе ингредиентов, я зажгла огонь под небольшим котелком.

Пятнадцать минут спустя, хорошенько перемешав бурлящее варево и уже предвкушая скорое избавление от признаков похмелья, я взялась за бутылку, украшенную кривым черепом. Нет, яда там, разумеется, не было. Ярко-синяя жид-

кость обладала очень сильным слабительным эффектом и это свойство сохраняла при любой обработке. Соответственно, передозировка могла оказаться чреватой. Наемник во время боя, резво уносящийся в кусты, – мертвый наемник. А мне нужна была всего одна капля. Конечно, лучше было бы воспользоваться пипеткой, но она куда-то запропастилась, и искать ее у меня не было ни времени, ни желания.

Высунув от усердия кончик языка, я накренила бутылку над варевом.

– А что это будет? – раздался звонкий голосок за моей спиной.

Охнув от неожиданности, я чуть не уронила бутылку. Естественно, слабительного в зелье попало куда больше положенного. Злобно смахнув испорченное варево в ведро для отходов вместе с котелком, я обернулась. В дверях стоял мелкий паренек в каких-то обносках.

– Ты кто? – тупо поинтересовалась я. – И как сюда попал?!

Вопрос мог бы показаться странным, но в данном случае вполне закономерным. Дело в том, что в моем доме нет живой прислуги. Вообще никого из живых нет, только духи, закольцованные лично на меня. Так делали все, кто желал иногда оставаться в одиночестве и при этом не заниматься бытовыми делами. Ну и количество покушений в собственном доме резко стремилось к нулю. Всем известно, что проще всего к жертве подобраться через прислугу, а духов не подкупить и не запугать. Так кого они могли пустить в мое ло-

ГОВО?!

– Ну вот, – с заметной обидой нахмурился пацан. – Сами же звали, а теперь «ты кто?»

– Звала? – мозг заклинило окончательно.

– Вы весной через нашу деревню проезжали. Даже грамотку мне дали. Вот. Только ее Ваша нечисть забрала.

– Какая нечисть? Как тебя зовут хоть?!

– Оли я. Ладно, раз не ко двору пришлась, то пойду.

Девочка? Она развернулась на пятках, гордо вздернув веснушчатый нос.

– Да погоди ты, не петушишься, – остановила я ее, начиная что-то смутно припоминать. – Ты из Серогорья?

– Ну да, – Оли кивнула и шмыгнула носом.

Тут до меня, наконец, дошло. Серые горы – бедная холмистая местность почти в центре Белого континента. Караваны туда не водят, да и монстры почти не встречаются. Боевому магу или наемнику делать там совершенно нечего. Тем более что местные жители магии побаиваются, а многие так и вообще считают ее происками демонов и страшным грехом. А я весной перепутала дорогу на развилке, и мое высочество занесло в это самое Серогорье. И вот там-то мне и встретила девчонка-оборвыш, со жгучим любопытством наблюдавшая за банальными фокусами вроде костра, пылающего без дров. И аура у нее полыхала посильнее моего костерка.

Артефакт, проявляющий Дар, валялся на дне сумки. Любый магик-наемник таскает такой с собой, потому что по-

иск Одаренных – непременно условие получения лицензии. Многие даже специализируются на таких поисках. Приют Обретенных платит за найденнейшей с сильным Даром неплохую премию. Разумеется, мне зарабатывать подобным образом не было никакой нужды, и камень болтался бесполезным грузом многие годы. До того вечера. В руках у безродной девчонки он свое существование и закончил, банально сгорев от мощного потока Силы.

По закону я должна была доставить такой самородок в Приют, но не сделала этого. Во-первых, меня ждали на тракте, и на эту встречу мое, страдающее географическим кренинизмом высочество и так уже опаздывало сверх всякой меры. А во-вторых... Я прекрасно знала, какая судьба ждет приютских магигов: двенадцать лет казарменного режима с жестким обучением и служба в войске Белого континента. Выбора нет, исключений – тоже. Поэтому я оставила девчонке свиток, дающий доступ в мой дом в Питруге. Мол, захочет – придет, а нет – станет деревенской ведьмой в родных краях, так как дар такой силы все равно проявится, даже без всякого обучения.

И вот она стоит на пороге моей лаборатории и шмыгает носом, обиженно поглядывая на задумавшуюся хозяйку из-под насупленных бровей. А я совершенно не представляю, что с ней теперь делать.

– Родственники отпустили? – спросила я, чтобы хоть как-то нарушить затянувшееся молчание.

– Так нет у меня родичей, говорила уж, – отозвалась Оли, ковыряя порог босой ногой.

– А, ну да, помню. Сколько тебе?

– Десятое лето проводила.

– А поточнее?

– Не знаю, – девчонка пожала плечами. – У нас не записывают. Батя не помнил, а мать я и не видела, она родами померла.

Я совершенно не аристократично потянулась к затылку. Пальцы наткнулись на еще менее аристократичный колтун. Машинально взглянула на свое отражение в оконном стекле. М-да... Всклокоченные волосы, из которых торчит какая-то ветка, заляпанная неизвестно чем одежда, обалдело-тупое выражение на физиономии и, в довершение образа, убойный запах перегара. Видел бы Па сейчас свою дочурку, поганой метлой бы из ректоров погнал. Может, попробовать? Хотя нет, это будет перебор. В таком виде он меня не только из ректоров, из дочерей выгонит, еще и плюнет вслед.

– А у вас дом красивый, – нарушила мои размышления нежданная гостья. – И работа сама делается. Я все думала, куда мусор девается. Даже на нечисть Вашу грешила. А он, оказывается, просто сгорает. Весело.

– Сгорает? Нет. Его духи выбрасывают... – невнимательно отозвалась я.

– А это что тогда? – спросила Оли, пальцем показав куда-то мне за спину.

А там веселым костерком всеми цветами радуги пылала урна! Правильно! Туда же улетел раскаленный котел! С руганью я бросилась тушить разноцветный пожар, лихорадочно вспоминая, не кидала ли в последние пару месяцев в ведро для отходов что-нибудь взрывоопасное. В лаборатории-то духи не убирают!

Слава Создателям, таки ничего не взорвалось. Только весь первый этаж провонял тухлыми яйцами, да девчонка обзавелась боевой раскраской дикарей из мазков цветной сажи. Впрочем, повеселилась она на славу. Хотя в этом безобразии проявился и положительный нюанс: дым, похоже, оказался лечебным, и от моего похмелья не осталось и следа.

Приказав духам проветрить комнаты, я повела девчонку наверх, в библиотеку.

– Ух ты, – разинула рот Оли, едва переступив порог. – Сколько книжек!

«Ну да, – в очередной раз с запозданием дошло до меня, – Свиток – пропуск в дом, и не более. Духи предоставили гостю постель и стол. В другие помещения у нее доступа не было...»

Большие часы на каминной полке напомнили мне, что утро не резиновое. Проснулась я, конечно, отвратительно рано, но и студиязов поднимают ни свет ни заря. Мало ли, какое событие может потребовать внимания свежеиспеченного ректора. А если его, то есть меня, на месте не окажется, Карна не замедлит донести об этом дядюшке, а тот сообщит

Царственному братцу. И если Па решит, что дочурка банально смылась...

На этой печальной ноте я поежилась и отогнала неприятные мысли. Не размышлять надо, а действовать! Во-первых, срочно отправить девчонку в Приют Обретенных. Нет. Стоп! Сначала привести себя в порядок... Опять не так. Найденныша должна доставить Рагетта, а не дочь правителя. Иначе шума и сплетен не оберешься. Вот ведь свалилось ифитово отродье на мою голову. И как не вовремя...

Пытаясь решить, как поступить, я расхаживала взад-вперед между стеллажами, не обращая никакого внимания на предмет моих размышлений. А зря...

– Ух ты! Так вы дочка королевская! А так сразу и не скажешь!..

– Что?! – я развернулась как ужаленная. – Откуда ты...

Впрочем, вопрос был излишним. Пока мое тупоголовое высочество размышляло о судьбах мира в лице одной мелкой нахальной девчонки, эта самая девчонка заинтересовалась единственной доступной книгой – «Родословием». Этот толстенный фолиант, подаренный непутевой дочурке правителем на пятидесятилетие, лежал на специальной подставке, потому что не влез ни на одну полку. Мало того, он был открыт на той самой странице, где красовался мой портрет и присутствовал перечень всех титулов и регалий!

– Уйди отсюда! – рявкнула я. – Нечего хватать все подряд!

– Я и не хватала, – обиженно буркнула она. – Книжка так

и лежала открытая. Просто посмотрела.

– И смотреть все подряд тоже нечего! Сядь вот в кресло и не шевелись!

Оли надулась, но послушалась. А я заметалась по комнате с удвоенной скоростью. Вот и какой ифит толкнул меня под локоть, когда я вздумала пригласить девчонку сюда?! Это же катастрофа! Если ее отвести в Приют Обретенных, все моментально узнают, кто такая на самом деле магичка Рагетта. И все, прощай тракт, здравствуй ректорское кресло, на веки вечные! А то и замужество. Такой скандал Па мне не простит. Попытаюсь брыкаться, может и вовсе из Рода исключить, бывали прецеденты.

«Прибить ее по-тихому, что ли? – подумала я, с сомнением посмотрев на свернувшуюся на кожаных подушках оборванку. И тут же сама себя одернула, неприятно удивившись гадкому направлению собственных мыслей. – Совсем с катушек слетела с этим ректорством».

Оли сидела, поджав под себя босые ноги, и с непонятной смесью надежды и обиды смотрела на меня. Под этим взглядом я невольно поежилась. До чего докатилась: пусть не все-рьез, но задумалась об убийстве ни в чем не повинного ребенка.

Так. Подумаем еще раз. В Приют ей теперь нельзя. Да и вообще никуда нельзя, если на то пошло. Мало ли, кому она попадется и кто услышит нелицеприятную для королевского рода правду. Может быть, через годик-другой, когда она по-

взрослеет и поймет, что не всякую правду стоит озвучивать вслух, а кое-какую, так вообще надо сразу забыть. Но что с ней делать этот годик-другой?!

– Оли, а ты вообще кем хочешь стать, когда вырастешь?

– Магичкой! Как вы! – с готовностью откликнулась приבלуда, будто только и ждала этого вопроса. – Вы же мне говорили, что я могу выучиться, стать сильной колдуньей, и никто мне будет не указ!

Оп-па... Похоже, я была пьяна гораздо сильнее, чем мне казалось, когда несла подобный бред. Впрочем, сильной магичкой, при наличии учителей, она станет без сомнения. Но вот как я умудрилась ляпнуть, что над ней не будет начальников?! Свободолюбие в Приюте Обретенных выбивают в первую очередь!

«А ты сама-то как свою свободу отстаиваешь? – ехидно вклинился в мои мысли внутренний голос. – ну правильно, это же твоя свобода. Что тебе до свободы какой-то оборванки...»

– Заткнись, – буркнула я.

– Так я ничего и не говорю, – тут же откликнулась девочка.

– Я не тебе.

Она демонстративно огляделась, но ничего не сказала. Впрочем, взгляд оказался красноречивее слов. Ага. Раздвоение личности во всей красе.

Я снова взглянула на часы и мысленно выругалась – до

подъема в академии оставалось полчаса.

– В общем, так, найденыш, – она наострила уши, с некоторой опаской глядя на меня. Bravo, Аленна, запугала ребенка. – Пока поживешь у меня. Позже решим, что с тобой делать.

– А когда? – Оли тут же потребовала конкретики.

– Как только освобожусь, так сразу, – невольно усмехнулась я.

– А можно мне пока книжку какую-нибудь почитать? – видимо, улыбка ободрила найденыша сверх всякой меры. – А то скучно целый день сидеть. Я бы по дому что-то подделала. Так нечего же. Ваша нечисть все делает раньше, чем я взяться успеваю.

– Книжку? Книжку можно, – отозвалась я, лихорадочно соображая, есть ли в моем обширном собрании нечто, что можно дать ребенку с такой силищей и не обнаружить потом на месте собственного дома груды развалин. – Только если ты пообещаешь ничего не пробовать на практике.

– Обещаю, – радостно закивала она. – А как это «на практике»?

– На практике, – машинально поправила я, пробегая взглядом по корешкам книг. – То есть, не пробуй колдовать. Договорились? Тогда я тебе вечером книжку со сказками принесу.

– Хорошо.

Наконец, мне удалось найти то, что вряд ли могло содер-

жать инструкцию к разрушению города: «Букварь юного зельевара».

– В лабораторию ни шагу, – на всякий случай предупредила я, вручая девчонке залапанную книжку.

– Не буду, – согласилась Оли.

– Отлично. Теперь я уйду по делам, а ты веди себя хорошо, и... – Создатели, что я несу?! – В общем, сделай так, чтобы к моему возвращению от дома хоть что-нибудь осталось.

– Угу, – мелкая уже вовсю читала, водя грязноватым пальцем по строчкам и смешно шевеля губами.

«Надо бы ее еще вымыть, – запоздало подумала я, но, в очередной раз взглянув на часы, плюнула на гигиену. – Потом! Все потом! Меня ждет чертова Академия!»

* * *

Академия действительно ждала меня с нетерпением. Кто-то самым плебейским способом колотил в дверь кулаками. Я деактивировала портал, села за стол, разложив перед собой несколько свитков, и только тогда щелкнула пальцами, снимая запирающее плетение.

Профессор Карна буквально ввалилась в кабинет. Ну правильно. Кому еще может с самого утра потребоваться ректор?!

– Профессор Аленна! – выдохнула она, с трудом восстановив равновесие. – Я трижды посылала к вам духа и уже

пять минут стою под дверью! Где вы были?!

– Я обязана давать вам отчет? – я приподняла брови, всем своим видом демонстрируя презрение.

– Нет, но через пятнадцать минут начнется совещание преподавателей, и вы должны там присутствовать!

– Кто придумал устраивать совещания в такую рань? Очередная традиция?

– Скорее необходимость, – огрызнулась она. – Позже лекции у студиязов.

– Угу, а после лекций господина профессора предпочитают отдыхать?

– Посмотрим, что предпочтете вы, когда начнутся ваши лекции, – с едва заметным ехидством парировала Карна.

– Посмотрим, – кивнула я, взяв себя в руки. Мне было не до пикировки с этой защитницей традиций. – У меня намечено очень много дел, лэрра. Вам, как и прочим преподавателям, стоит заняться собственными студиязами, а не пустой говорильней по утрам, которая, разумеется, с этого дня отменяется. Потому что я собираюсь поприсутствовать в рабочих кабинетах и оценить то, что там происходит. По итогам этой проверки будет принято решение о целесообразности нахождения в этих стенах того или иного профессора. Вас, профессор Карна, это касается в первую очередь – именно с ваших лекций я намерена начать.

Кто бы знал, как я в этот момент была благодарна учителю дипломатии. Именно он научил меня исключительно лю-

безно говорить гадости и запугивать, не угрожая впрямую. В свое время я отбрыкивалась от этих уроков, как ифит от помывки. Кто ж знал, что бесполезные на первый взгляд навыки мне так пригодятся?!

– Ваше высочество, – она резко побледнела. Лер дипломат мог бы гордиться своей ученицей. – Вы можете прийти на любую лекцию, можете даже уволить меня, если вам захочется. Но это не отменяет тот факт, что вы теперь ректор Академии стихий и несете ответственность за все, что здесь происходит. И если вам не угодно узнавать об этом на совещании, можете опрашивать каждого преподавателя лично!

Карна развернулась на каблуках и выскочила за дверь.

Вот как она умудряется это делать?! Казалось бы, я поставила ее на место, напугала увольнением, и все равно сию тут дура душой!

И что эта ведьма, кстати, говорила о моих лекциях? За водопадом событий последних дней я совершенно упустила из виду, что тоже должна преподавать.

Вовремя я об этом вспомнила. Завтра мне придется провести три часа с боевиками выпускного потока. Захотелось завить. Кому, как не мне, знать, как боевики «любят» то, что не относится к убойной мощи. Пальма первенства по ненависти принадлежит, разумеется, бытовой магии, но зельеварение прочно занимает вторую позицию, слегка опередив целительство. Умение оперативно подлатать собственную шкурку боевики все же немного ценят.

Вот, и как мне заставить два десятка великовозрастных оболтусов учить то, что я сама ненавидела всю свою сознательную жизнь?!

Замечательно начинается осень. Я прикована к Академии, должна заниматься ненавистным зельеварением и бумажной волокитой, а дома у меня сидит необученная девчонка с огромной силой, которую нельзя никому показывать!

Помянув поименно всех демонов Бездны, я слегка успокоилась и крепко задумалась. По большому счету, у меня две проблемы: Академия и Оли.

Оли... Я-то, когда дала ей свиток-приглашение, думала отвести ее в Приют Обретенных, если она появится. Но теперь, благодаря неумемному любопытству мелкой или собственному разгильдяйству, кто меня просил оставлять «Родослов» на самом видном месте, поступить так было невозможно. Значит, девчонку надо оставить у себя, как-то позаботиться о ней, что ли. В конце концов, ее появление в Пит-руге – моя заслуга.

Только вот заботиться о ком-то, как выяснилось по зрелому размышлению, я не умела от слова «совсем». У меня даже котенка никогда не было. Потому как мое ветреное высочество редко задерживалось на одном месте дольше недели. Чем же занимаются дети в возрасте десяти лет?

Я припомнила, чем занималась сама, и улыбнулась. А секунду спустя содрогнулась... Чесоточный порошок в дядюшкином кресле на ежегодном Большом приеме. Обвалив-

шаяся угловая башня дворца. Кролик-зомби... Если найденыш окажется хотя бы на одну десятую такой же пакостницей, как я в ее возрасте, мне не поздоровится. Как там говорил мой гувернер? Чем меньше у детей свободного времени, тем меньше глупостей они совершают. Этим и будем руководствоваться! И для начала надо найти девчонке надежного воспитателя. Еще бы выяснить, где такие водятся...

– Профессор Аленна!

Догадываетесь, кто нарушил мои размышления, вломившись в кабинет, как пьяный мастодонт? Правильно! Профессор Карна, кто же еще?

– Профессор Аленна! – она на минуту умолкла, пытаясь отдышаться. – Ваше присутствие срочно необходимо в лаборатории!

– И что там приключилось? – поинтересовалась я, выбираясь из-за стола – не отстанет же.

– Боевики там приключились! – взвизгнула она. – Они подвесили вашего ассистента под потолком...

– У меня есть ассистент? – брови сами поползли вверх: какие, однако, новости я узнаю мимоходом. В голове тут же замелькали планы, как избавиться от нудных лекций.

– Если бы вы не отменили еженедельные совещания, то знали бы об этом, – огрызнулась Карна. Она уже успела отдышаться, оправила мантию и снова стала похожа на себя саму: сушеную воблу.

– И в чем проблема? Академия набита преподавателями,

и никто не может спустить на пол одного ассистента? Кстати, почему он сам не может этого сделать?

– Преподаватели на лекциях. Лоен – зельевар, а не бо-евик. А у меня, как вы, возможно, знаете, несколько иной профиль.

– Ну что ж, пойдете, посмотрим, – кивнула я.

– А вы не хотите надеть свои ректорские регалии? – вздернула брови профессор Карна.

– Не хочу, – буркнула я, машинально взглянув на эти самые регалии.

Толстенная золотая цепь и разлапистый амулет с грубо обработанным алмазом в центре. Па вручил мне их в тот день, когда отправил сюда. Разумеется, мне и в голову не пришло нацепить это варварское украшение. Зато василиск, чьи рога сейчас украшал килограмм золота, просто преобразился.

– Как хотите, – буркнула Карна. – Пойдемте скорее. Бедный ребенок там с ума сойдет!

– У меня в ассистентах числится ребенок? – опешила я, сбившись с шага.

– Да при чем тут ваш ассистент?! – взорвалась магичка. – Эти негодяи украли из музейного крыла котел! Посадили туда первокурсника-чернака. А теперь пляшут вокруг!

Я расхохоталась, представив себе эту картину.

– Вам смешно, профессор Аленна?! – взвизгнула Карна. – Это вопиющее нарушение статута о равных возможностях! Нарушение дисциплины!

Она продолжала кричать, но я ее уже не слышала, хохоча во все горло. В тот год, когда в Академии училась я сама, мы тоже с вожделением поглядывали на огромный музейный котел. И даже как-то загнали в него завхоза-ябеду. Вот только до того, чтоб утащить чугунину, да еще посадить внутрь чернака, все-таки не додумались.

– Об этом немедленно узнает ваш дядюшка!.. – продолжала разоряться профессор. – Я доведу до сведения самого правителя!..

Упоминание Па слегка привело меня в чувство. Не совсем, но хохот мне таки удалось подавить. Не то чтобы я так уж испугалась гнева царственного родителя, однако и злить его по пустякам не хотела. Усмехаясь, я последовала за злобно сопящей Карной.

Отголоски веселья мы услышали еще на лестнице. Гогот и невнятные выкрики неслись из-за высокой двустворчатой двери. Недолго думая, я толкнула толстую створку и вошла в лабораторию. Впрочем, о том, что помещение когда-то было лабораторией, напоминали разве что сдвинутые к стенам столы, кривая пирамида учебных котлов да весы, неопрятной кучей сваленные в углу. В остальном же студиозы потрудились на славу, превратив комнату в мрачное логово сказочного колдуна. Клубы разноцветного пара, чучело медведки в полный рост, какие-то дикие пентаграммы на стенах. Довершал картину, судя по всему, мой горе-ассистент, со скорбным выражением на смазливой мордашке парящий под

потолком, среди пучков сена и иллюзорных летучих мышей.

На мое появление никто не обратил внимания. Студioзы продолжали с гиканьем скакать вокруг огромного котла, до краев наполненного радужной жидкостью, из которой торчала лохматая голова. Еще один, облаченный в черный балахон, взгромоздился на стол и дирижировал этой какофонией, иногда подбрасывая в котел какую-нибудь гадость вродедохлой крысы.

– Леры студioзы! – кашлянула я, привлекая внимание. – Повеселились, и хватит!

Ага. Святая простота. Так они меня и послушались.

– А тебе-то что? – вздернул брови заводила. – Не нравится, иди себе мимо.

На минуту прервавшаяся пляска продолжилась как ни в чем не бывало. Оторопев, я обернулась к профессору Карне и обнаружила, что подлая ворона осталась в коридоре. «Оставила меня выкручиваться самостоятельно? – обозлившись, сообразила я. – Вот стерва!»

Злость помогла мне прогнать с лица неуместную ухмылку, и я щелкнула пальцами, стряхивая сразу несколько искорок:

– Я сказала «хватит»!

На этот раз мой голос громыхнул так, что уши заложило даже у меня. Очередная дохлая крыса вспыхнула прямо в руках у разговорчивого нахала, а сам он грохнулся на пол со внезапно взбрыкнувшего стола. Хоровод остановился.

– О... Да это преподаша, – проворчал кто-то.

Я приоткрыла дверь:

– Профессор Карна, присоединитесь к нам, пожалуйста.

Разумеется, старая кошелка была там и, злобно глянув в мою сторону, ужом скользнула к своему обожаемому чернаку. Даже непонятно, чего ей хотелось больше, спасти его от рук разгулявшихся боевиков или посмотреть, как я сяду в калошу.

Но тут ее подждал сюрприз. Как, впрочем, и меня. Чернак вовсе не горел желанием быть спасенным. Когда Карна попыталась извлечь идиота из котла, тот начал брыкаться и визжать. Кое-как общими усилиями нам удалось добиться внятного объяснения, и мне пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы снова не расхохотаться.

Оказалось, первокурсник-чернак залез в котел совершенно добровольно, даже с радостью. Заводила развеселой компании боевиков, сейчас независимо поглядывающий в мою сторону, убедил дурака, что таким образом разбудит его «спящие магические силы».

Еще одна пикантная особенность выяснилась чуть позже. Ёидкость, которой поганец наполнил украденный в музее котел, раскрасила глупого чернака во все цвета радуги, и краска эта не поддавалась никаким чистящим плетениям.

Наконец, Карна увела рыдающего разноцветного чернака в корпус целителей, а я снова повернулась к студиязам.

– Ничего умнее не придумали?

– Эмм... – раздался сверху голос моего всеми забытого ассистента. – Не будет ли высокочтимая профессор любезна помочь мне спуститься вниз? У меня несколько иная квалификация, и я что-то никак не могу опознать, что меня здесь держит...

По губам главаря этой банды скользнула предвкушающая улыбка. Очередной сюрприз? Я подняла взгляд, в истинном зрении просматривая нити плетения, приковавшего любителя этикета к потолку. Как мило. Мое же собственное изобретение. Не далее как вчера я точно так же загнала под балки Круппа. Деактивирующая искорка соскользнула с ногтя сама собой, и мой ассистент шлепнулся вниз...

Прямо в ифитов котел он шлепнулся! Я едва успела выставить первый попавшийся щит, иначе меня бы окатило радужным зельем с ног до головы! Но как так?! Котел же стоял дальше!

Самодовольная улыбочка на наглой физиономии свалившегося со стола студюоза мигом подсказала мне, кто позаботился о мягкой посадке для моего ассистента. Отомстил, поганец!

Легкое удовлетворение я испытала сразу же, глядя, как довольное выражение сменяется разочарованным: меня-то щит от покраски спас.

– Благодарю за помощь, – склонился в поклоне в очередной раз всеми позабытый ассистент. – Лер Кирри Лоен, к вашим услугам, профессор...

– Аленна, – подсказала я, с мстительным удовольствием наблюдая, как по физиономии разозлившего меня студюоза пробегает облачко беспокойства.

– Лерра ректор, – еще ниже склонился Кири. – Мне неприятно представляться в таких условиях. Я ваш ассистент. А это, – он обвел разноцветной рукой сбившихся в кучу студюозов, – выпускной курс, поток Боевая магия.

– Я догадалась.

– Если вы позволите, я бы пошел к целителям. Мой внешний вид...

– Да, разумеется.

– Благодарю вас, профессор Аленна. Очень любезно с вашей стороны пойти мне навстречу и заняться этими бездельниками.

«Эй, стой! – чуть не завопила я, глядя, как он уходит. – Мы так не договаривались!»

Разумеется, мой мысленный вопль никак не отразился на лице. Этим паршивцам только покажи свою слабость: сожрут и не облизнутся. Мне ли этого не знать – сама была такой же. Поэтому, когда мое высочество снова повернулось к студюозам, ничего, кроме равнодушия, они не увидели.

– Ну что ж, – я искоркой очистила небольшой клочок пространства на профессорской кафедре, – будем считать, нового ректора Академии стихий и вашего преподавателя зельеварения вам представили. Забавное приветственное представление я оценила. Поэтому наказывать никого не буду. Но

имейте в виду, это первый и последний раз. На будущее моя лояльность не распространяется.

– И что будет? – ехидно уточнил кто-то у меня за спиной, пользуясь тем, что мое внимание было отвлечено поисками чистого стула. Готова поклясться, что догадалась, кто там такой смелый.

– Рискните, и увидите, – обтекаемо отозвалась я. Не забыть бы уточнить, какие в Академии предусмотрены наказания, а то за давностью лет в памяти остались только отработки под надзором наказавшего препода, что меня совершенно не устраивало. – Декорации замечательные, а теперь вы дружно приведете кабинет в первозданный вид. Без духов. Своими руками. А я посмотрю. Можете начинать, леры студиозы.

Приличный стул мне найти так и не удалось, поэтому я прохаживалась по разгромленной лаборатории, глядя, как студиозы, тихо переругиваясь, наводят порядок.

– А я думал, вы нас зельеварению учить будете, – донесся откуда-то из-за пирамиды котлов уже знакомый голос. – А оказывается – уборке.

– Так баба же, – фыркнул кто-то гораздо тише, но вполне различимо. – Что умеет. Чему она тебя еще научить может? Детей рожать?

Я стиснула зубы, сделав вид, что не слышу наглеца. Не говорить же им, что я понятия не имею, что они сейчас проходят.

– А я бы не отказался поучиться тому, что она еще может уметь, – хохотнул осмелевший остряк. – Давно не встречал такую симпатичную ква... Ква... Ква!

Он схватился за горло.

– Учись, – равнодушно проговорила я, едва взглянув, как он осыпает себя искорками, пытаюсь вернуть нормальную речь. Безо всякого, впрочем, эффекта: шутивных плетений я в свою бытность студией придумала множество, и далеко не обо всех рассказала сокурсникам.

Удар гонга, обозначающий завершение лекции, все встретили с облегчением. И я радовалась не меньше разукрашенных разноцветными пятнами студиезов. За ничтожные два часа, пока длилась уборка, мое обозленное высочество трижды пытались проклясть и несчетное число раз разными способами вымазать радужным зельем. Зелье, автора которого мне так и не удалось вывести на чистую воду, я уничтожила лично. Последнюю склянку с ним посчастливилось отобрать у квакающего остряка уже после гонга. И разочарованное выражение на перепачканной физиономии подсказало мне, что она была действительно последней.

Добравшись до собственного кабинета, я рухнула в кресло, чувствуя себя едва ли не хуже, чем после схватки с василиском-мутантом. А он, так, для сравнения, чуть не оторвал мне голову.

– Нет. Преподавание явно не моя стезя. Поубивать бы кифитам этих студиезов, – пробормотала я, разглядывая на

свет радужный трофей. – И где они только достали эту мерзость?

Я сунула склянку в шкаф. Позже придется разобраться, какую дрянь туда намешали: что-то мне подсказывает, что целители вряд ли сумеют вернуть нормальный цвет дураку-чернаку. А сейчас надо все-таки выяснить, чему учат нынешних студиозов, и, в частности, что я сама должна буду показывать им не далее как завтра. И, кстати, в какие дни у них лекции? Да и с ассистентом вопрос открыт: можно ли на него перевесить хоть что-нибудь. И куча корреспонденции, доставленная духами в мое отсутствие, жаждет внимания. И, кажется, еще что-то было запланировано. Вспомнить бы, что именно.

Теперь-то я поняла, почему дурацкие совещания назначали на утро. Пока разберешься со всеми обязанностями, наступит вечер. Только и останется времени, что закатиться в таверну и пропустить кружку-другую винца для успокоения расшатанных студиозами нервов.

Возникшая перед мысленным взором шербатая глиняная кружка вызвала мечтательную улыбку. Я потрясла головой, отгоняя заманчивые видения: сопьюсь нафиг с такой работой. Хотя сегодня... Вечерком... Хорошее молодое вино, а не это буйство цвета. Я снова недовольно посмотрела на полку, где переливалось радужное зелье. Просто преследует меня сегодня радуга. Прямо рок. Утром Оли вся изукрасилась, теперь студиозы...

«Оли! – вспомнила я, сообразив, что такое постоянно вертелось на задворках сознания, не давая мне окончательно размечтаться о посиделках в таверне. – Надо купить ей книжку сказок и поискать гувернера».

Вечер и кружка вина? Наивная. Когда мое замороченное высочество покончит со всеми делами, наступит глубокая ночь, а то и раннее утро!

Выругавшись, я придвинула ближе толстую стопку учебных планов: чем раньше начну, тем больше шансов, что мне удастся поспать хоть пару часов, прежде чем опять столкнусь со стаей студюзов...

Глава 4

Зелье сварить – не напасть, как бы в зелье не пропасть

С учебными планами мне удалось разобраться довольно быстро. В конце концов, хоть я и ненавижу зельеварение лютой ненавистью, учили меня на совесть, и звание «Лучший зельевар Белого континента» я получила не за красивые глаза. Но тем не менее я уже полчаса тупо смотрела в свои пометки, пытаюсь понять, какой идиот составлял учебную программу по моему предмету. Зелье от насморка? На выпускном курсе у боевиков? Вы серьезно? Или у меня что-то с памятью, или мое склерозное высочество все-таки учили немного иначе.

Очередной удар гонга, призывающий студиязов на обед, вывел меня из задумчивости. С учебными планами можно разобраться в другой раз, а для завтрашней лекции у меня есть кое-какие сюрпризы. Надеюсь, они заставят боевиков на время позабыть о желании сделать какую-нибудь пакость горячо любимому ректору. Ну а если нет, то, как выяснилось, отработками список наказаний для нерадивых студиязов в Академии стихий не ограничивается.

С этими мыслями я нежно погладила по корешку здоровенный фолиант с выгравированным на обложке названи-

ем «Статут». Наказаниям в нем уделялось три главы, и всего несколько пунктов требовали обязательного присутствия преподавателя. С трудом прогнав с лица кровожадную ухмылку, я взялась, наконец, за кипу корреспонденции.

Несколько свитков пришлось отложить в сторону. Разгневанные родители интересовались, почему их невероятно талантливое дитяtko не попало в стены Академии. Откуда мне знать почему? Да и вообще, про подобные претензии в Статуте ничего не писали, стало быть, это не мои проблемы. Хотя для очистки совести в будущем поинтересуюсь у дядюшки, надо ли отвечать на такие письма.

Еще парочка посланий вызвала у меня нервный тик. Вдовы отдавших жизнь за правителя в последней войне просили принять их наследников в Академию без вступительных экзаменов. И, естественно, безвозмездно, то есть даром, ввиду оказанных короне неоценимых услуг. Я бы, пожалуй, и не против, но вот беда: последний военный конфликт, в котором участвовал Белый континент, случился сто восемьдесят лет назад. Рыбацкую фелуку чернаков штормом загнало в один из южных портов. Разумеется, никакие герои там жизнью не жертвовали. А до того была Последняя война, и деткам тех героев должно бы уже стукнуть века по четыре, как Па. Подавив недостойное желание посоветовать оборотистым вдовушкам получше учить историю, я написала десяток однотипных ответов с просьбой уточнить, в каком именно военном конфликте сгинули их кормильцы, и на том

успокоилась.

В двух свитках, увешанных разлапистыми печатями Совета, как деревенская невеста бусами, у меня грозно требовали отчета о средствах, потраченных на ремонт второго корпуса общежития. Это надо будет тоже выяснять у Па. Во-первых, я в глаза не видела не только упомянутые средства, но и сам корпус. А во вторых, тут что, казначея нет? Или я еще и бухгалтерией должна заниматься?!

Наконец, разделавшись с бумажной волокитой, я с трудом разогнула спину и, весело похрустывая суставами, прошла по обширному кабинету. «Проще десяток василисков завалить, – подумалось мне. – В этом проклятом кресле я наживу только чугунную задницу, артрит, геморрой и парочку неврозоз». А кресло все так же маячило за спиной мрачной тенью, напоминая, что я еще и половину запланированного не сделала.

Еще через час мое вконец одуревшее от обилия информации высочество готово было схватиться с сотней василисков и Черным континентом в придачу, лишь бы получить повод убраться из ненавистного кабинета. И повод не замедлил представиться в лице профессора Карны, в очередной раз ввалившейся в дверь. Но я уже была в таком состоянии, что даже ей обрадовалась, как родной.

– Профессор Аленна, ваше присутствие...

– Иду! – перебила я, с трудом скрыв радость.

Если Карна и удивилась моей покладистости, то ничем

этого не показала.

– С вами хотят посоветоваться целители, – холодно продолжила она, пока я выбиралась из-за стола. – Неизвестный состав зловредного зелья не смывается с кожи первокурсника никакими средствами.

– Да. У меня были мысли о чем-то подобном, – в гулких коридорах учебного корпуса наши шаги рождали громкое эхо, чему я была несказанно рада. Оно заглушало громкое бурчание в моем пустом животе: я благополучно не успела не только пообедать, но и позавтракать, а время близилось к ужину.

Карна не удостоила меня ответом. В полном молчании мы добрались до Больничного корпуса.

Седой целитель в светло-голубой мантии наклонил голову в знак приветствия:

– Лерра ректор, профессор Карна, прошу за мной.

Лаборатория здесь оказалась несколько приличнее той, в которой занимались студиясы, но все-таки гораздо хуже, чем у меня дома, не говоря уже о дворцовой. Различия, конечно, были ожидаемыми, но не до такой же степени? Весы, попавшиеся мне на глаза, куда органичнее смотрелись бы в музее. Впрочем, и разнообразием ингредиентов здесь тоже похвастать не могли. Надо будет выяснить, насколько это нормально. Неужели таким минимумом можно справляться с травмами, неминуемо возникающими там, где на маленьком клочке земли собраны пять сотен недоученных магиков?

– Профессор Алenna, – нарушил молчание целитель. – Я ознакомлен с вашими работами в области зельеварения и надеюсь, вы сможете нам помочь в нейтрализации этого состава.

Не буду описывать двухчасовые изыскания. Сразу скажу, что помочь им я не смогла, и в первую очередь потому, что в лаборатории отсутствовала половина общедоступных ингредиентов и инструментов, не говоря уже о редких. Пообещав подумать над проблемой в свободное время, когда оно у меня только появится, это свободное, я поплелась обратно в свой кабинет.

На этот раз меня никто не сопровождал, и, погружившись в невеселые мысли, я спохватилась только, в третий раз пройдя мимо собственной двери по круговому коридору административного корпуса. А подумать было о чем. Я не раз и не два слышала, как ругался Па, подписывая огромные дотации на содержание «проклятой учебки», как он выражался. Конкретных сумм я, конечно, не видела, но чтобы вызвать такие эпитеты из уст моего всегда сдержанного родителя, который никогда не отличался скаредностью, нулей там должно было стоять очень много. Но обшарпанные стены и нищенская лаборатория громко заявляли о противном...

«Казначей ворует, что ли? – проворчала я. – Только этого не хватало. Правильно, у дядюшки амурные переживания, что ему до каких-то там счетов? Ну вот... Теперь придется проверять еще и финансовую отчетность!»

Сообразив, какие бумажные горы нарисовались в перспективе, я схватилась за голову: удирать надо отсюда как можно быстрее. Пока эта бумажная рутина не затянула меня, как гиблое болото. Сказано – сделано. Через несколько минут мое перепуганное высочество, смахнув в ящик стола остатки корреспонденции, шагнуло в портал.

* * *

А дома все так же удушливо пахло тухлыми яйцами и стояла гробовая тишина.

– Что за мерзость? Велела же духам проветрить, – поморщилась я и, только оказавшись в коридоре, сообразила, что источник мерзкого запаха – не лаборатория, а кухня. – Меня решили накормить помоями с ближайшей свалки?!

Пустой желудок протестующе забурчал, отозвавшись на такое надругательство режущей болью. Пообещав себе упокоить половину нерадивых духов, я поплелась на запах. Ну что ж. Нос меня не обманул: смердела, как последняя скотобойня, именно кухня. Но на этом хорошие новости заканчивались. Дело в том, что ее просто не было. Вместо нее мое ошалевшее высочество оказалось в филиале болота, с порога по колено ухнув в дурно пахнущую жижу. С отвисшей челюстью я минут пять обозревала царящий вокруг разгром, с трудом узнавая очертания знакомых предметов, вроде стола или плиты.

– Вы бы вышли оттуда, – тронула меня за плечо Оли.

– Что это? – я посмотрела на стоявшую у двери девчонку.

– Лесная свежесть, – пробормотала она, и глаза ее стали быстро наполняться слезами. – Только она не получилась...

Смирившись с тем, что осталась без ужина, я с громким чавканьем выдрала из густой массы ноги и выбралась обратно в коридор.

– Убрать! – искорка, призывающая духов, слетела с ногтя, а я смерила тяжелым взглядом найденыша. – Просила же не колдовать!

– Я и не колдовала, – она шмыгнула носом в последней попытке удержать слезы. – Только зелье хотела сварить. Из книжки...

– Говорила же тебе, не... – зарычала я, и тут же спохватилась. – Ну да... В лабораторию ты не пошла...

– Вы меня теперь выгоните? – таки разревелась Оли. – И магии учить не будете!

На кухне что-то булькнуло, да так громко, что я невольно обернулась, и...

Правильно... И, поскользнувшись на грязных ступенях, рухнула в новоявленную трясиину, подняв тучу зловонных брызг. А две секунды спустя с визгом вылетела обратно, потому что какая-то дрянь чувствительно цапнула меня за задницу.

Пока мое ошалевшее от калейдоскопа событий высочество пыталось протереть глаза, чтобы выяснить, что за зуба-

стая тварь вцепилась в царственную пятую точку, Оли заревела в голос. Похоже, девчонка решила, что теперь-то негостеприимная ведьма ее не только выгонит, но еще и побьет на прощанье.

Бросив бесплодные попытки соскрести с физиономии липкую массу, я попыталась на ощупь отодрать от себя зубы неизвестного монстра. Утешало только то, что веса зверя я не ощущала, в отличие от зубов, а значит, большим он быть не мог.

Вдоволь поелозив в грязи, я наконец нащупала нападающего. Им оказался флакон радужного зелья, который я, уходя из Академии, сунула в задний карман штанов. Когда мое неуклюжее высочество спланировало в болото, бутылка не выдержала соприкосновения с каменным полом и разбилась, воткнувшись осколками мне в зад. Представив, на что сейчас похож мой филей, а главное, руки, довольно долго елозившие по испачканной зельем одежде, я чуть не взвыла. Теперь вопрос стоял или – или. Либо мое раскрашенное высочество до утра найдет способ отмыться, либо об авторитете у курса боевиков можно забыть навсегда. Рычание, вырвавшееся из горла помимо воли, заглушили рыдания Оли.

М-де... Воспитатель из меня никудышный: напугала девчонку до истерики.

– Ну все, не хнычь, – пробормотала я, неумело погладив растрепанную голову грязными пальцами. Впрочем, на внешнем виде мелкой приبلуды это никак не отразилось: ее

и так окатило брызгами с ног до головы, когда мое неуклюжее высочество брякнулось в болотище на кухне. – Пошли мыться, что ли? А то духов распугаем.

– Простите! – еще громче завывала Оли.

Ничего не понимаю. Вроде пытаюсь утешить девчонку, а она только громче воеет. Что я не так сделала-то?

– Успокойся. Все нормально. Кухню духи почистят. Ну разве что ужин сегодня задержится, так это ничего...

Рев поднялся такой, будто приبلуда оплакивает всех померших родственников до седьмого колена.

– Ну хватит уже! – окончательно запуталась я. Эй, кто-нибудь! Как детей утешают?! Кажется, это невосполнимый пробел в моем образовании.

Оли вдруг обхватила меня руками, уткнувшись носом куда-то в район ремня:

– Бу-бу-бу...

– Прости, но я ничего не поняла.

Она задрала голову:

– Вы такая хорошая!

Я смутилась, не найдясь с ответом.

– Пошли мыться...

* * *

Загнав приبلуду в ванну и получив твердое обещание не тонуть, не колдовать и не разрушать помещение, я сбросила

грязные тряпки и встала под душ. Вода, стекающая мне под ноги темным зелено-бурым потоком, сильно пенилась, будто я вылила себе на голову бутылку с мыльным зельем.

«Интересно, что эта малолетняя экспериментаторша там наварила, – лениво подумала я, подставляя под теплые струи то один, то другой бок. – Лесная свежесть – зелье для детских упражнений, салатовая жидкость с легким ароматом лесных цветов. Как можно было превратить ее в дурно пахнущую грязь, да еще в таком количестве?»

Наконец, вода у меня под ногами стала прозрачной. Я извернулась, пытаюсь рассмотреть повреждения на пятой точке. Ничего особенного, пара неглубоких порезов. Даже заживляющее зелье не понадобится: простейшее плетение справится. И с чего я решила, что мне в зад вцепился монстр? Наверное, от неожиданности.

Легко избавившись от незначительных повреждений, я выбралась из душевой. Большое зеркало отразило мое распаренное высочество во всей красе. Никаких намеков на то, что еще полчаса назад меня угораздило сесть на битое стекло, не осталось. «Всегда бы так... А то шрамов на шкуре гораздо больше, чем положено приличной принцессе, – подумала я, наткнувшись взглядом на парочку напоминаний о не слишком удачных схватках. – Ахаль, что не все можно свести так же легко». Невольно провела пальцем по кривой отметине, протянувшейся поперек плеча, которую оставил василиск-мутант несколько недель назад. Всего-то несколь-

ко неделю, а кажется, уже год прошел. Или два... Па со своей безумной идеей превратить непутевую дочурку в ректора, приблуда малолетняя, Карна, студиозы с этим проклятым зельем...

Зелье! Я в ужасе завертелась перед зеркалом, стараясь рассмотреть себя сразу со всех сторон. Ничего. Никакого намека на боевой раскрас дикарей. На меня не попало ни капли?! Да быть такого не может! Уж руки-то точно испачкала – прекрасно это помню. Но и пальцы радовали нежно-розовой распаренной кожей, никакого буйства красок.

«Приблудино болото!» – осенило меня, и я, в прямом смысле теряя тапки, понеслась на первый этаж, на ходу пытаясь попасть в рукава халата.

Кухня встретила мое всклокоченное высочество перво-зданной чистотой и блеском. Я с трудом подавила желание побиться дурной головой о свежeweымытую стену: ну что мне стоило сообразить раньше?!

Хотя, может, это и не болото? Может, я действительно умудрилась не вымазаться? Впрочем, чего зря гадать, проще проверить. Я развернулась и зашагала к порталу.

Уж не знаю, что подумал старичок-целитель, когда в корпус среди ночи ввалилась босая лерра ректор в домашнем халате и с всклокоченными волосами. И не хочу знать, кстати. Вряд ли в его мыслях было хоть что-нибудь лестное для упомянутой лерры. Но он безропотно выдал мне требуемые образцы зловердного зелья и подтвердил, что ни чернака, ни

моего ассистента отмыть так и не смогли.

Ничего не объясняя, я сунула в карман горсть миниатюрных флаконов и едва не бегом отправилась в обратный путь.

В душевой я соскребла немного начавшей подсыхать массы с валявшейся в углу одежды и минуту спустя испустила восторженный вопль. Творение приبلуды начисто лишило радужное зелье всяких намеков на цвет. Я даже рискнула и окунула во флакон палец. Красочные разводы исчезли, стоило мне только намазать кожу вонючей массой и подержать под струей теплой воды.

Эйфория отступила, только когда я задумалась, каким образом доставить решение радужной проблемы в Академию. Не натирать же пострадавших моими грязными штанами, в самом-то деле?! Если для чернака кое-как сойдет, то ассистенту, как его там, явно не понравится совать голову в чьи-то портки.

– Оли? Ты там не утонула? – позвала я, сообразив, что в очередной раз забыла про героиню дня.

– Н-нет. Только холодно очень.

– Так выходи, если отмылась!

– А надеть что?

Вот любит она вгонять меня в ступор. Действительно, что на нее надеть? У меня же нет никакой детской одежды!

– Пока в моем халате походишь, – я щелкнула пальцами, отдавая приказ домашнему духу.

Девчонка приглушенно пискнула, видимо, появление в

воздухе предмета одежды ей не понравилось, но пару минут спустя вышла ко мне. Рукава она кое-как закатала, а полы волочились за ней следом, как шлейф парадного дворцового платья.

Распорядившись насчет позднего ужина, я привела Оли в библиотеку и, усевшись за стол, взяла перо:

– Рассказывай, как ты умудрилась превратить кухню в болото.

– Я нечаянно, – снова насупилась она.

– Никто не собирается тебя ругать, – спохватилась я. Еще не хватало, чтоб девчонка опять разрыдалась. – Просто расскажи подробно. Что взяла? С чем смешала? В каких пропорциях?

– Я попорции не трогала, в кастрюле замесила, – уже спокойнее отозвалась мелочь, убедившись, что ее никто не собирается ругать. – Ну и делала все, как в книжке написано. Там пишут, мол, это варево пахнет хорошо. Мне не понравилось.

– Ладно, – вздохнула я, понимая, что простым способом ничего не добьюсь. Состав Лесной свежести я помнила прекрасно. И так же прекрасно знала, что в моих продуктовых шкафах не было и половины ингредиентов для этого зелья. Эх... Плакала моя свежевывмытая кухня. – Ты как, не засыпаешь еще?

– Не-а, – она энергично замотала вихрастой головой. – Я днем спала.

– Тогда пошли.

– Куда? – забеспокоилась приبلуда. – На улицу?

– Какую еще улицу? – отмахнулась я, давно отчаявшись понять, как работает голова у этой девчонки и что ее может в очередной раз напугать до икоты. – На кухню пойдём. Попробуем повторить твой подвиг.

– Вам понравилось? – разинула рот Оли.

– Ну не то чтобы очень... – Неожиданный вопрос застал меня врасплох. – Но интересно, как ты это сделала.

– А если опять напачкаю? – настороженно уточнила она.

– Пачкай, – я махнула рукой. – Пойдем уже. Будешь варить свою... Помойную свежесть.

– Помойную? – Оли хихикнула. – А я все вспоминала, чем это пахнет. Точно! Так помойка в селении пахла. Та, что за бойней. Тетя магичка, а почему в богатых домах такую вонь любят?

– С чего ты взяла? – опешила я.

– Ну так в книжке написано было. Что это варево наливают в плошки и ставят в погреб для хорошего духа.

– Ставят в погреб?... – на грани сознания забрезжила пока не оформившаяся идея. – Ну-ка, Оли, неси сюда свою книжку.

Девчонка едва заметно пожала плечами, явно не понимая, куда клонит мое ненормальное высочество, но за Букварем побежала.

Пять минут спустя я подтвердила ее сомнения в моем ду-

шевном здравии, захохотав, как бешеная гиена. Из глаз полились слезы, разболелся живот, заныли щеки, а я смеялась и не могла остановиться.

Оли смотрела на это буйство расширившимися глазами и даже, кажется, начала осторожно пятиться к двери. Это слегка привело меня в чувство, и я поманила девчонку пальцем. Она склонилась над книгой.

– Смотри. Тут страницы склеились. Ты начала варить Лесную свежесть, а продолжила вот это – самовосстанавливающую массу для питания домашних духов. Я только не пойму, откуда запах такой мерзкий. Ни то, ни другое так пахнуть не должно.

Приблуда, сдвинув бровки, сосредоточенно водила по строчкам пальцем.

– Это я виновата, что воняло, – она опустила голову, но я не дала ей в очередной раз разреветься, ободряюще потрепав по вихрам.

– Показывай.

– Вот, – Оли ткнула обломанным ногтем в последнюю строчку на странице. – Сухие яйца...

– Красных лесных муравьев, – не глядя, по памяти продолжила я. – Они так не воняют. Кстати, где ты их взяла?

– Так я про муравьев не видела, – хихикнула она. – Дальше там молоко было...

– Ну это уже из смеси для духов.

– Угу. А я подумала, что если подсохшие яйца годятся, то

свежие будут еще лучше. В тесто-то всегда утренние лучше вчерашних класть...

– Так ты туда перепелиных яиц натолкала? – снова захотала я.

Она развела руками, и я, смеясь, притянула ее к себе, взлохматив короткие вихры:

– Это зелье назовут в твою честь. Пошли поужинаем, а потом попробуем его изобразить, Только на этот раз в лаборатории и без самовосстановления.

Глава 5

Иное слово, что корова: вылетит – отмываться устанешь

Несмотря на то что поспать мне удалось всего полтора часа, в ректорский кабинет из портала я шагнула в преотличнейшем расположении духа. Конечно, частично это было заслугой Бодрящего настоя, небольшой флакон с которым я осушила, проснувшись. Но в большей степени меня радовала здоровенная бутылка с Помойной свежестью. Ночью мы с Оли таки довели это варево до ума. Оно больше не увеличивалось в объеме с безумной скоростью. Правда, от запаха тухлых яиц избавиться не удалось, но мы и не особо старались. Главное, что радужное зелье Свежесть смывала сразу и без усилий. Единственной каплей дегтя в этой бочке с нектаром было то, что моя лаборатория теперь больше напоминала филиал лесного болота. Но с моей страстью к рискованным экспериментам это случилось далеко не в первый и, скорее всего, не в последний раз.

Весело насвистывая, я понесла бутылку в больничный корпус. Старичок-целитель, приняв меня и с подозрением поглядывая на раннюю гостью, все-таки пустил меня к своим пациентам. Видимо, мой ночной визит оказал на него неизгладимое впечатление. Впрочем, неприязнь исчезла без сле-

да, едва мой ассистент при помощи принесенного зелья избавился от радужной раскраски на физиономии.

– Это гениально! – воскликнул старик, едва Лоен радостно убежал в душевую, нежно прижимая к тощей груди плоску с толикой дурно пахнущего варева. – Ваш талант к зельеварению – дар Создателей.

– Это не только моя заслуга, – поморщилась я. Терпеть не могу, когда меня незаслуженно хвалят. А если еще и за ненавистное котломарательство... Фу! – Основной состав – работа моей ученицы. Я его только немного усовершенствовала.

– Вы решились возродить институт ученичества? – округлил глаза целитель.

Я прикусила язык, но было поздно. Пришлось кивнуть.

– Профессор Аленна, – старик вдруг поднялся с дивана, где мы сидели, поджидая Кири, и, встав передо мной, поклонился. – Когда я узнал, что ректором назначили молодую девушку, то был недоволен. Простите. Думаю, все взвесив, вы со мной согласитесь. Академия стихий сейчас переживает не лучшие времена. И в такой период назначение неопытной девчонки, а вас я представлял себе именно такой, могло стать концом этого древнейшего учебного заведения.

Пока я хлопала глазами, пытаюсь сообразить, мне сейчас хаят или хвалят, он перевел дух и продолжил еще более воодушевленно:

– Теперь я вижу, что поспешил в суждениях. Под руко-

водством такого талантливомго и самоотверженного человека, как вы, Академия стихий сможет снова стать тем, чем была столетия назад: лучшим учебным заведением Белого континента! Если вам понадобится помощь, профессор Аленна, вы можете всегда рассчитывать на меня.

Он снова поклонился и, не ожидая ответа, ушел куда-то в задние комнаты. И хорошо, что ему не приспичило услышать от меня что-нибудь подходящее к случаю. В бедовой голове моего одуревшего высочества царил полный сумбур. Во-первых, я не понимала, с чего бы Академии «переживать не лучшие времена». Дотации она получает немаленькие, преподав – хватает, судя по письмам, недостатка в желающих нацепить мантию студиоза тоже нет. Так в чем проблема? И второе, что меня беспокоило еще сильнее, это восторг и легкое недоверие, прозвучавшие в голосе старого целителя при упоминании ученичества. Помнится, я что-то читала об этом, будучи студиозой. Ничего такого страшного вроде не было. А непопулярным ученичество стало скорее потому, что много школ. Кому захочется вешать на себя обузу в виде сопливого малолетки, если его можно отправить в школу или Академию, а потом получить уже готового ассистента? И дешевле, и удобнее.

Но что-то смутное скреблось на грани сознания, не давая мне списать восторги целителя на банальный старческий маразм. Плюнув на бесплодные попытки выудить это «что-то» из памяти и одновременно ругая на чем свет стоит собствен-

ную чрезмерную дотошность, я таки потащилась в библиотеку.

Едва не заблудившись в забытых за давностью лет петлях многочисленных коридоров, я добралась до библиотечной башни. У высокой резной двери рядом с надписью «Не шуметь» висел большой плакат: «Леры студииозы! Обращаясь к библиотекарю, постарайтесь вспомнить не только цвет и размер требуемой вам книги, но также ее название и автора!» Я едва не расхохоталась, но, наткнувшись взглядом на предыдущее объявление, вовремя подавила смех. То ли нынешние студииозы растеряли описательные способности, то ли библиотекари теперь не в пример хуже, чем раньше. Помнится, в мое время лерра библиотекарь могла найти нужную книгу не только по внешнему виду, но и с закрытыми глазами на ощупь. А некоторые мои сокурсники на полном серьезе утверждали, что количество вырванных страниц она определяет, взвесив фолиант на ладони.

Но старой хранительницы книг, которую помнила я, уже не было. Вместо нее за высокой стойкой со скучающим видом сидела молодая черначка и перелистывала какой-то модный журнал.

– Нет такого, – не поднимая глаз от страниц, буркнула она, не дав мне слова сказать.

– Может быть, уважаемая лерра библиотекарь соблаговолит выслушать своего ректора прежде, чем отвечать? – прошипело мое обозленное высочество.

Услышав волшебное слово «ректор», девица всполошилась, засыпала меня извинениями вперемешку с жалобами на наглых студиязов, которые – о, ужас! – иногда заходят в библиотеку и – вообще кошмар несусветный! – смеют требовать книги.

Однако нужный мне фолиант она все равно не нашла.

– Нету, – горе-библиотекарша развела руками. – Наверное, не было такого. А может, студиязы утащили...

Пока мое обалдевшее от подобного непрофессионализма высочество ловило отвисшую челюсть, девица хлопнула на стойку толстый, обильно разукрашенный золотом фолиант:

– Да и зачем вам, лерра ректор, эта замшелая древность? Вот. Возьмите лучше новый роман Мариссы Влюбленкиной. Только неделю, как прислали. Такая история! Он – эльфийский принц, тысячу лет искал свою истинную пару. А она – простая девушка из деревни и влюблена в простого барона. Но если она не отдастся эльфу в течение месяца, то он умрет в жутких мучениях. Я так плакала, когда она в семьдесят первой главе ему из жалости все-таки отдалась, а бедный барон не поверил, что из жалости, и бросился с башни...

– Спасибо, не стоит, – пробормотала я, с трудом удержав рвущиеся с языка эпитеты, и побыстрее убралась из библиотечной башни.

Мысли метались в голове, как табун лошадей, влетевший с разбегу в осиный рой. Что произошло с библиотекой? «Может, и не было, а может, студиязы утащили»... Это как?!

Удар гонга неожиданно резанул по ушам, напомнив, что с библиотекой и ученичеством можно разобраться и позже, а вот ожидающие мое забывчивое высочество в лаборатории боевики вряд ли будут паиньками. Выругавшись сквозь зубы, я поспешила туда.

Перед дверью пришлось притормозить и восстановить дыхание. Что греха таить, и мне не чуждо волнение. Когда закончится мое заключение в Академии неизвестно, а воевать весь этот срок с выпускным курсом боевиков у меня не было никакого желания.

Навесив на лицо соответствующее случаю равнодушное выражение, я наконец вошла. От мазков радужного зелья студии уже успели избавиться. Интересно, они проведдали про Помойную свежесть или все-таки сами разобрались? Мой ассистент, разумеется, опять парил под потолком. Благо, хоть на этот раз в книжку-раскраску Лоена не превратили. Щелкнув пальцами, я мимоходом спустила его на пол и прошла к кафедре.

– Доброе утро, леры студии.

Ответом мне послужил нестройный гул голосов. Ну хоть как-то отозвались.

– Лер Лоен, подготовьте все для сегодняшней лекции.

– Уже все готово, профессор Аленна, – моментально склонился в поклоне он.

– Замечательно, – величественно кивнула я. – Леры студии, кто из вас знает, о чем сегодня пойдет речь?

Подскочил худой, прыщавый юноша в поношенной мантии. Она была ему сильно коротка, и из-под подола торчали тощие лодыжки. «Ему что, не могли выдать мантию по размеру? – поморщилась я, пока студиоз скороговоркой тараторил состав и способ приготовления зелья для лечения насморка. – И с прыщами своими мог бы в Больничный корпус сходить, неряха. Дело-то на две минуты».

– Хорошо. Все присутствующие так же хорошо знакомы с этим зельем? – Я дождалась, пока стихнет утвердительный гомон, и продолжила: – Прекрасно. Вы не устаете меня радовать, леры студиозы. Тогда скажите, а зачем это зелье вам, боевикам?

Народ слегка растерялся, и мое ехидное высочество позволило себе мимолетную улыбку: пока все шло по плану.

– На фиг не нужно! – выкрикнул, наконец, кто-то ожидаемую мной фразу.

Кто-то? Да это же мой добрый болтливый знакомец, который, уходя отсюда в прошлый раз, квакал на весь коридор. Вот и подходящий подопытный кролик.

– Рус, угомонись, – прошипел Кирри. В моем присутствии ассистент вел себя гораздо увереннее.

– Лер Рус, вижу, вы уже успели вернуть себе человеческую речь, – нежно улыбнулась я, проигнорировав ассистента. – Не согласитесь ли послужить для сегодняшнего занятия наглядным пособием?

– Лягушек мы еще на втором курсе резали! – выкрикнул

кто-то с заднего ряда.

– Ну что вы, – моя улыбка стала еще шире. – Разумеется, мы не будем резать нашего друга. Лер Рус, смелее!

Расчет оказался верным: стерпеть намек на собственную трусость заносчивый молодой дурачок не смог и тут же выскочил на кафедру.

Я вытащила из кармана и поставила на столе перед ним два флакона:

– Лер Рус, чисто визуально. Как вы думаете, что здесь?

Какое-то время он молча присматривался, справедливо подозревая какой-то подвох. Но, не найдя ничего необычного, буркнул:

– Зелье от насморка.

– Хорошо. Как вы будете выкуривать из норы кричана?

– Кого? – резкая смена темы сбила мальчишку с толку, и он тупо уставился на меня.

– Вы будущий боевой маг, лер Рус, или как? – делано возмутилась я. – Не знать одного из самых распространенных на территории Белого континента монстров, это невероятно. Как вы добрались до выпускного курса?!

– Да знаю я, кто такой кричан! – обиженно буркнул он.

– А если знаете, значит, грешите еще более непозволительной для боевого мага роскошью: тугодумством. Если в реальном бою вы будете так же долго вспоминать, какой именно монстр перед вами, то закончите размышления уже в его желудке.

Смех, доносящийся с задних рядов, становился все громче. Понадеявшись, что авторитет нахала пострадал в достаточной мере, я отпустила его на место:

– Садитесь. Кто сможет сказать мне, что делает поимку кричана сложной?

Подскочил тот же худосочный отличник:

– Кричаны строят извилистые норы со множеством ходов. Человеку туда не попасть, варану с этим монстром не справиться, а дымом не выкурить, потому что нора уходит вниз, выход всего один и тяги нет никакой!

– Отлично, лер...

– Буи, – подсказал он, слегка покраснев под новые смешки.

Краем глаза, я отметила, как шепчется с соседом по столу Рус, и насторожилась. Неужели двух уроков оказалось недостаточно и он снова задумал какую-то пакость?

– Лер Буи. А как следует пользоваться зельем от насморка?

– Лечь навзничь, мазнуть под носом... – он внезапно вскинул голову, осененный догадкой. – Пары этого зелья всегда уходят вниз... Норы кричанов уходят вниз...

Я ободряюще кивнула.

– А у кричанов очень чувствительный нос, и если вылить у входа в нору этот флакон, то...

Глаза юноши засверкали от таких перспектив. Еще бы, ведь считается, что достать из норы упомянутых монстров

почти невозможно. Они безумно осторожны, обладают безупречным нюхом, и все такое. Я сама совершенно случайно наткнулась на подобный способ использования зелья от насморка. Нечаянно разбила флакон, поджидая терроризировавшего соседнюю деревушку кричана. Правда, это открытие стоило мне разодранного бока, когда монстры неожиданно вылезли из-под земли в количестве семи штук вместо ожидаемого одного. Но об этом студиозам знать не обязательно.

Большинство студиозов оценило новый способ влет. С разных сторон доносились шепотки:

– Лучше лучников в отдалении поставить, а то как полезут...

Хех, а вьюноша умнее своей профессорши.

– Поставить сети прямо перед норой! От запаха они одуреют – и туда. Знаешь, сколько их яд стоит, если у живых сцеживать...

Ага, главное, какой самоубийца будет сцеживать?

– В одиночку точно нельзя...

– Тройкой самое то...

Умные детки...

Дав студиозам еще несколько минут, я заговорила вновь. И, надо признать, слушали меня уже гораздо внимательнее.

– Думаю, многие из вас, леры студиозы, проходили практику за городом. Скажите, как в селениях обстоят дела с поставками лечебного зелья от насморка? Стоит дорого?

Шутку оценили. Купить банальное зелье за городом было практически невозможно. Для селян оно было бы слишком дорогим, а путешественники обычно возили подобные склянки с собой.

– С собой придется возить! – выкрикнул Рус.

– А вы думаете, что только это зелье можно использовать не по инструкции? – усмехнулась я. Студиозы затихли. – Нет, разумеется, если леру Русу удобно таскать за собой телегу, набитую разнообразными склянками, я не против. Конечно, он не должен при этом забывать о технике безопасности, правилах упаковки и перевозки, разрешении на...

– Сварить, и все! – перебил кто-то наименее терпеливый. – На него ничего такого не надо, все под ногами растет.

– Да, такой вариант мне кажется более разумным, – мое мстительное высочество не отказало себе в насмешливом взгляде, брошенном в сторону Руса. Впрочем, в ответ я получила не менее яростный взгляд. А мальчишка упрям...

– А что во второй склянке? – отчаянно краснея, спросил Буи.

– А вот вы нам это и скажите, – улыбнулась я, сделав приглашающий жест в сторону стола. – Можете открыть, понюхать, только пробовать не рекомендую. Агучая штука.

Пожалуй, даже дворцовый кот, однажды забравшийся в мою лабораторию, меньше крутился у склянок с валерианой, чем этот студиоз вокруг зелий. Но в конце концов он вынужден был признать поражение:

– Зелье от насморка.

Я, улыбнувшись, взяла один из пузырьков и капнула на пол. Поднявшийся клуб серого дыма мгновенно заполнил довольно большое помещение. Дав студиязам пару минут почихать, я-то заранее озаботилась фильтрующим щитом, мое зловредное высочество распахнуло окно и искрами очищающего плетения выгнало густой туман на улицу.

– Плохо, леры студиязы. Вы же боевые маги. Хоть кто-то из вас должен был успеть среагировать.

Под моим взглядом народ краснел и отводил глаза. Действительно, плохо, между прочим. То, что никто из них не успеет поставить фильтры, оказалось неожиданностью даже для меня. Прав был Па, когда ворчал про криворуких выпускников. Ох как прав.

– Но щиты и их использование не тема нашей лекции, – я скользнула взглядом по лицам, и почти у всех увидела искренний интерес. – Просто подумайте, какой сюрприз вы могли бы устроить гипотетическому врагу. Для лазутчиков – штука вообще незаменимая. И лишних подозрений не вызовет, и пригодиться может серьезно. Кроме того, с некоторыми монстрами можно справиться, только ослепив их. О том, что нужно добавить в обычное лекарство для подобного эффекта, мы поговорим в другой раз, когда научитесь варить основу. Думаю, ввиду всего сказанного вы на практическом занятии с гораздо большим интересом займетесь приготовлением зелья от насморка под присмотром лера Лоена. А для

меня приготовите эссе по ингредиентам: какие, как найти, ареал распространения...

Тут я заметила, что Рус снова шепчется о чем-то с соседом и, судя по пакостному выражению на смазливой мордашке, вовсе не о насморке.

– Лер Рус! Вы слышите? Ёелаете сдать мне экзамен, придется больше внимания уделять учебе. А уж об этом-то зелье вы должны рассказать со всеми подробностями, даже если я вас ночью разбужу!

– А почему это вы меня ночью разбудите? – уточнил он таким двусмысленным тоном, что по лаборатории вновь полетели смешки.

Вот же нахал! Неймется ему! От необходимости отвечать меня избавил гонг. Студииозы, моментально забыв о шутке, стали собираться. А мое вымотанное постоянным напряжением высочество смогло позволить себе вздох облегчения, только заперев за собой дверь ректорского кабинета. Ну что? Первую проверку я прошла. Но что-то мне подсказывало, что Рус так просто не успокоится и первая не станет единственной.

Плюнув на недобрые предчувствия, я плюхнулась в кресло. Бессмысленно гадать, что задумал нахальный студииоз. У меня и без того дел выше крыши.

Сегодняшняя корреспонденция завалила половину стола. На стене укоризненно маячил план занятий, напоминая, что проверки я царственному родителю обещала, а сама даже со

своими учебными планами до конца не разобралась, не говоря уж о чужих. А кроме того, вороватый казначей... И непонятная библиотекарша... Плюс с Оли надо что-то решать, пока она без присмотра не разнесла мой дом. Кстати, и одеть ее тоже не помешает. Не расхаживать же девчонке в моих халатах два года... Ах да! Еще странные намеки старого целителя по поводу ученичества...

Я схватилась за голову: чтобы все успеть, мне надо удвоиться и добавить в сутки десяток часов. С тоской подумав о таком привольном, спокойном тракте, мое несчастное высочество с ненавистью посмотрело на кучу свитков. И это под моим началом только Академия. Как же Па со всем континентом управляется?!

«Но Па-то не пытается все и сразу делать самостоятельно! – осенила меня гениальная идея, не дав окончательно скатиться в черную меланхолию. – У папочки есть советники, помощники, секретари и прочие лизоблюды. И у меня тоже такой дармоед имеется, пусть и в единственном экземпляре!»

Я стряхнула с пальца искорку, отправив за упомянутым дармоедом духа, и задумалась, что бы такое переложить на его шуплые плечики.

Ассистент не заставил меня ждать. Через четверть часа он уже стоял напротив с заискивающей улыбочкой, всем своим видом выражая готовность услужить. Только вот незадача: за эти пятнадцать минут я не успела решить, что ему можно

поручить.

– Отправитесь в город, – наконец проговорила я, когда пауза затянулась сверх всякого приличия. – Купите полный комплект одежды на ребенка. От белья до зимних мантий. Для девочки. И принесете мне сюда.

Я подала ему толстый кошелек, который моментально исчез в складках учительской мантии.

– Ах, это для вашей ученицы! – улыбка стала еще шире. – Я так восхищен вашей смелостью, профессор Аленна!

– Да, да, – отмахнулось мое недовольное высочество, неприятно удивленное не только скоростью распространения слухов, но и тем, что, похоже, все, кроме меня, знали, чем опасно чертово ученичество. – Идите.

– А размеры?

– Вот такая, – я показала примерный рост девчонки, чиркнув ребром ладони под грудью. Вроде бы где-то там была ее макушка, когда она вчера полезла обниматься. – И не слишком светлое.

– Да, конечно, профессор Аленна, – он склонился в глубоком поклоне. – И позвольте мне еще раз высказать свое восхищение вашей мастерской преподавательской работой. Боевики еще никогда не вели себя так прилично на зельеварении!

– Угу, – буркнула я, с трудом удерживаясь от того, чтобы вытолкнуть зануду за дверь.

– Я постараюсь выбрать для вашей ученицы самое луч-

шее.

– Отлично! – мое вконец обозленное высочество демонстративно покосилось на гору бумаг на столе. – Буду с нетерпением ждать результатов.

Избавившись от ассистента, я отправила духа за казначеем и, пока он явился, успела не только разобрать половину бумажной кучи на своем столе, но и забыть о приглашении. Когда раздался стук, мое оголодавшее высочество как раз с вожделением поглядывало на портал, размышляя, заметит ли кто-то мое получасовое отсутствие, если смотаться на площадь и перекусить в какой-нибудь таверне. Разумеется, запоздавшего казначея встретила отнюдь не радостная улыбка.

– У меня тут несколько посланий из Совета, – начала я, кое-как заставив голос звучать ровно. – Чтобы отвечать на них, мне требуется финансовая отчетность за последний год. Извольте принести.

– Зачем нагружать такую хорошенькую головку скучными цифрами? – масляно улыбнулся он, похоже, не испытывая никакого трепета. – Разве это занятие для красивой девушки? Давайте эти бумажки мне, я на них сам отвечу. Не впервой.

На мгновенье я заколебалась. Ну что мое отупевшее за годы странствий высочество смыслит в бухгалтерии? Вот боевка, это пожалуйста. Зелья, на худой конец... Но цифры?

– Не надо думать, – вкрадчиво проговорил казначей. – От

этого бывают морщины.

Если он и хотел убедить меня забыть про отчеты, то этой фразой добился прямо противоположного результата. Я вспыхнула, как пучок сухой соломы: «Да что этот сморчок себе позволяет?! Как он вообще смеет разговаривать в подобном тоне с ректором этой проклятой Академии и дочерью правителя!»

Когда я ответила, льда в моем голосе было больше, чем на вершинах всех гор Белого континента, вместе взятых:

– Я пошлю с вами духа, чтобы вам не пришло в голову уронить что-нибудь в камин по недосмотру.

– Как вам будет угодно, – прошипел казначей и снова склонился в поклоне. – Пусть вам потом будет стыдно за ваше недоверие.

Но злость в моей душе говорила еще слишком громко, чтобы я услышала шепоток раскаянья.

– Я жду не больше четверти часа, после чего пришло духов уже за вами, лер казначей.

– Как вам будет угодно, – повторил он, бросив в мою сторону короткий, горящий ненавистью взгляд.

Ровно через пятнадцать минут на столе появилась стопка растрепанных бухгалтерских книг. Покосившись на новоявленную колонну, едва не подпершую потолок, я глухо застонала. Это и за год не разобрать. А учитывая, что мое замороженное высочество и без того обвешано обязанностями, как караванный буйвол тюками, да еще и ни ифита не смыслит

в бухгалтерии, мне суждено мирно помереть от старости рядом с этой кипой.

* * *

Но долго предаваться унынию мне не дали. Появился мой ассистент и с натугой втащил в кабинет объемистый тюк.

– Это что? – опешила я. – Неужели вы не слышали о багажном плетении, лер Лоен?

– Прос... Простите, Профессор Аленна, – прохрипел он, утирая выступившую на лбу испарину. – Я купил только самое необходимое и по городу носил под багажным плетением. Но, к сожалению, совершенно забыл про особенности ворот Академии... А свиток был только один...

– Все хорошо, – чтоб не заорать матом, пришлось призвать на помощь остатки аристократического воспитания, еще не забытые бурным ключом академической жизни под плинтус реальности. Как он мог забыть, что ворота сшибают любые плетения, проходя сквозь них ежедневно? – Не стоит извинений.

– Вы так великодушны, лерра Аленна, – улыбнулся он.

Я списала несколько фамильярное обращение на усталость и улыбнулась в ответ:

– Вы очень мне помогли, лер Лоен. Благодарю вас.

Как этот хлыщ оказался рядом, присосавшись к запястью слюнявым поцелуем, я даже не поняла. Но упомянутое вос-

питание не позволило мне не только вырвать руку из потных ладошек, но даже вытереть ее о штаны впоследствии. Я мило улыбнулась и погрозила пальцем.

– Разве так положено обращаться с ректором?

Это-то и оказалось моей роковой ошибкой. Уж не знаю, что такого Лоен усмотрел в обычном светском ответе, но он с громким стуком приземлился на колено передо мной, вновь завладев еще не просохшей рукой. А дальше я просто молча обалдевала, с каждой фразой все глубже впадая в натуральный ступор.

– О, Аленна! Вы так прекрасны и великодушны!

«Эмм... О чем это он?!»

– Я столько времени мечтал сказать вам об этом!

«Интересно, сколько, если я впервые его увидела вчера болтающимся кверху задом под потолком?»

– Я влюблен так искренне, как только может любить истосковавшееся по теплу одинокое сердце!

«Мне даже неинтересно, в кого! Пусть мне кто-нибудь объяснит, при чем тут я-то?!»

– Вы так прекрасны, что просто не можете не быть доброй и нежной!

«Да неужели? Кто так жестоко обманул этого идиота?»

– Поэтому я прошу у вас милосердия!

«А давай, я тебе лучше золотой дам? Или даже два?»

– Позвольте мне жить, богиня! Позвольте мне любить!

«А чем мое обслюнявленное тобой высочество мешает?!»

– Станьте моей женой!

– Ты что, охренел?! – ляпнула я вслух.

– Простите, что? – подавился очередным высказыванием

Лоен.

– Я хотела сказать, – спохватилось мое офигевшее высокочество, – что для чувств такой глубины прошло слишком мало времени, чтобы верить в их искренность.

Он тряхнул головой, видимо, решив, что мое первое высказывание ему почудилось:

– Я понимаю вас, лерра Аленна. Но я сумею доказать вам искренность своих чувств! Вы увидите, как я умею любить!

С этими словами он снова облизал мою руку и, наконец, убрался из кабинета. Создатели, что это было? При первой встрече Лоен не показался мне храбрецом, способным не только влюбиться в дочь правителя, но еще и признаться ей в этом.

Сбросив на дверь искорку блокирующего плетения, я тщательно вымыла руки, не пожалев парочки чистящих зелий для ран из неприкосновенного запаса. Ифит его знает, что за психоз обострился у моего ассистента. Вдруг это заразно?

Взглянув на часы, я махнула до скрипа отмытой рукой на гору бумаг, подпирающую потолок. Домой. Вручу Оли обновки, надеюсь, этот болван действительно купил все необходимое, поужинаю по-человечески и пороюсь в своей библиотеке. Что-то мне подсказывало, что простой оговоркой

про ученицу я подложила своему невезучему высочеству большую свинью.

Глава 6

И ректор ума наберется, коль около студюзов потрется

А дома вовсю воняло. И чем бы вы думали? Правильно! Именно тухлыми яйцами! Это уже становится традицией. Отвратительной традицией!

Мое обозленное высочество, пнув тюк с одеждой для мелкой, рвануло в коридор и чуть не сшибло приبلуду с ног.

– Это не я! – тут же завопила Оли, не дав мне вставить ни слова.

– А кто тогда?

– Оно само, – она развела руками с самым невинным видом.

Мне даже на мгновенье стало стыдно: почему я во всем виню мелкую? Мало ли что могло произойти. А то, что до ее появления в этом доме тридцать лет вообще ничего не случалось, это, разумеется, чистая случайность. Ага... А я – наивная забывка.

– Показывай, где и что оно само? – вздохнула я.

Пятнадцать минут и десяток «оно само» спустя мне удалось выяснить, что, собственно, произошло. Найденыш опять хотела как лучше, а получилось... Получилось то, что у нее обычно получается. Оли решила сделать госпоже ма-

гичке приятное и навести порядок в лаборатории. Желание вполне объяснимое, так как по моему приказу духи туда не суются, а после наших ночных изысканий помещение напоминало сто лет не чищенный хлев. Все бы хорошо, но результаты наших неудачных экспериментов она, не задумываясь, слила в одно ведро! Что там с чем среагировало, не возьмусь теперь разобраться даже я. Но, когда перепуганная приблуда сбежала с места преступления, радужной пены с резким запахом тухлых яиц натекло уже по щиколотку.

Отослав найденыша отмываться, я с некоторой опаской пошла в лабораторию. За дверью что-то подозрительно побулькивало. Встав сбоку, мое наученное горьким опытом высочество осторожно приоткрыло створку. Предосторожность оказалась нелишней. Тухлятиной шибануло так, что у меня потемнело в глазах, а радужная пена полноводной рекой потекла в коридор, закручиваясь у моих ног мелкими водоворотами.

– Убрать! – рявкнула я, призывая домашних духов. – Хоть в Бездну отправьте эту субстанцию, но чтоб я ее больше не видела!

Секунду спустя я пожалела о своих опрометчивых словах. Духи – хорошие слуги, но у них есть один недостаток – любой приказ они воспринимают буквально. Не успело мое одуревшее от вони высочество договорить, как посреди коридора образовалась иссиня-черная воронка. Минуты три я с отвисшей челюстью наблюдала, как потоки радужной пены

со свистом исчезают в ее недрах. Наконец дыра с грохотом, от которого заложило уши, схлопнулась, и наступила тишина.

На подгибающихся ногах я подошла к двери и заглянула в лабораторию. Нигде не осталось даже микроскопической капли радужной пены. Только густой запах тухлых яиц напоминал, что здесь творилось еще пять минут назад.

Нервно захихикав, я представила себе Безымянную на туманном троне, с ног до головы облитую совместным творением дочери правителя, студюзов и мелкой приبلуды. Поверьте, святым кругом я осенила себя вполне искренне. Кто знает, как Безымянная воспримет появление в своих владениях помоев из мира живых, если духи действительно их туда отправили. Словно в подтверждение моим мыслям окна на мгновение осветились и ударил гром. Я подскочила: неужели мое тупоголовое высочество умудрилось угадать?!

Думаю, никогда еще в этом доме хозяева не поднимались с такой скоростью на астрономическую башенку. Тяжело дыша и держась за сердце, я уставилась сквозь хрусталь окна на потоки воды, хлещущие с черного неба.

– С новым годом! – раздался голос мелкой у меня за спиной.

– Спасибо! – машинально отозвалась я, и только тут до меня дошло, что происходит.

Середина осени. Неделя гроз. В селениях считается, что это Создатели омывают мир от старого, чтобы дать место но-

вому году. Глупость, конечно. По календарю новый год наступает в середине зимы. Но осенние грозы приходят каждый год с завидной регулярностью. Поэтому-то я чаще всего вспоминаю о своем высоком происхождении именно осенью: в сезон гроз тракт не самое гостеприимное место. И то, что происходит за окном, не кара Безымянной для одной тупой магички, а всего лишь ежегодное явление!

С облегчением выдохнув, я притянула к себе мелкую и погладила ее по лохматой голове.

– Пошли. Переоденешься, и будем ужинать.

– А во что? – тут же потребовала конкретики приبلуда, подтягивая сползший рукав халата. – Я свое постирала, но оно еще мокрое. В доме повесить негде, а на двор я дверь открыть не смогла.

– Есть во что, – усмехнулась я. – Не переживай. А старье твои духи выбросят.

Оставив Оли копаться в мешке с тряпками, который так и валялся в прихожей рядом с порталом, я отправилась в библиотеку. Надо все-таки разобраться с дурацким ученичеством. Если там что-то не так, то глупые слухи стоило пресечь раньше, чем они дойдут до ушей моего драгоценного Па.

Но добраться до книжных полок мне в очередной раз не дали: по холлу прокатился удар колокола. Я удивленно глянула на часы. Гости? В такое время? А самое главное... Здесь?! Мой дом – моя крепость. Для моего потрепанного

трактом высочества это не пустые слова. Тех, кто знает, чей это дом, очень мало. А уж тех, кого я рада увидеть на пороге, и вовсе можно пересчитать по пальцам одной руки. Еще и лишние останутся. Штук пять...

Тихо ругаясь сквозь зубы, я выглянула в потайное окошко. Но у ворот никого не оказалось. Мало того, даже сканирующее плетение не нашло позднего гостя. Не считать же гостем здоровенную вазу, из которой торчал какой-то цветочный веник. Не раздумывая, я прямо из окошка пульнула по ней слабым огненным шариком.

– На нас напали, да? – восторженно прошептала неслышно подошедшая Оли.

– Угу, – проворчала я, не оборачиваясь. – Очень агрессивный букет. Прямо и не знаю, как удалось с ним справиться.

– Букет? – явно опешила приبلуда.

– Шучу, – отмахнулось мое недоверчивое высочество. – Это известная уловка городских воров. Оставят под дверь какую-нибудь заговоренную дрянь, и если глупые хозяева заберут подарочек в дом, то ночью их ждет крепкий и здоровый сон. Только проснутся они гораздо беднее, чем засыпали.

– Понятно.

– Ладно. Вряд ли они сегодня еще сунутся, – пробормотала я, в последний раз окинув взглядом пустынную улицу, и обернулась. И чуть не села прямо на пол. – Ты переделалась...

– Ага, – поморщилась Оли, зябко поводя плечами, и

тут же, спохватившись, добавила: – Мне нравится. Красиво, но...

Она примолкла, видимо, решая, стоит ли высказывать свои претензии непредсказуемой хозяйке. Сама же хозяйка давилась еле сдерживаемым смехом.

– Но... – подбодрила я, загоня неприличный хохот обратно в горло.

– Но юбка кривая: тут длиннее, там короче. Я на этот хвост наступаю постоянно. И накидка сверху неудобная. Хоть бы дырки какие для рук... А без нее – спина мерзнет.

Я еще раз окинула девчонку быстрым взглядом. Да уж. Платье со шлейфом надеть задом наперед, это еще полбеды, но использовать вместо пелеринки полупрозрачную нижнюю юбку...

– Так... – мое побагровевшее высочество прикусило губу.

– Я что-то не так сделала? – насторожилась приبلуда.

Я мысленно отвесила себе оплеуху: ну откуда сельской сироте знать, как надевать подобные вещи?

– Все нормально. А тебе самой нравится?

– Да, – она опустила голову и уставилась в пол. Ну что ж. Врать мой найденыш пока не научился и, будем надеяться, не научится.

– А если честно?

– Платье красивое, честно! Только можно я потом свои портки надену? – выпалила она и с опаской глянула в мою сторону.

– А среди обновок... порток не было?

– Были. Токмо они срамные: короткие, белые и все в бантиках-кружавчиках. А ну как зацеплюсь за что?

Вздохнув, я искоркой подняла приبلуду в воздух: непонятно, как девчонка не пересчитала носом все ступеньки, поднимаясь сюда, и мне совсем не хотелось, чтоб она сделала это, спускаясь. Неожиданно взлетев, Оли охнула, но на лице отразился скорее восторг, чем страх.

В холле у портала мое окончательно развеселившееся высочество преворошило полтора десятка различных тряпок, в большинстве своем еще менее практичных, чем та, что нацепила приبلуда. Судя по этой подборке, о детях мой услужливый ассистент имел еще более смутное представление, чем я сама. Впрочем, портниха, пожалуй, дала бы фору нам обоим. Какому идиоту могло прийти в голову шить на десятилетнюю девчонку платья со шлейфом и застежкой-шнуровкой на спине?! Это же неудобно! А тут таких было целых три, не считая того, что на Оли. Мало того. Все они были с обширным декольте! Что такое может уложить в это декольте моя приبلуда? Два апельсина?

Тихо сатанея, я отбрасывала в сторону одну бесполезную тряпку за другой. Наконец, попало что-то приемлемое: темно-зеленая амазонка для верховой езды. Кожаные брючки и замшевый жакет до середины бедра. Выбрав из кучи салатовую блузу, я секущим плетением укоротила рукава до приемлемой длины: никогда не понимала моду на ман-

жеты из вороха пышных кружев, свисающих чуть ли не до колен. Так. Теперь белье. Еще несколько искорок, и панталоны лишились большинства украшений, зато их стало возможно надеть под что-то менее обширное, чем тент для грузовой повозки. Единственной покупкой, обошедшейся без моих усовершенствований, оказались мягкие замшевые полусапожки, пришедшиеся девчонке точно по ноге.

Объяснив приبلуде, что за чем надевать, я вышла в столовую. На столе тут же начали появляться блюда с заказанным ужином. С громким вздохом облегчения мое затурканное высочество уселось в кресло и вытянуло гудящие ноги.

Появившаяся пять минут спустя Оли также выглядела куда веселее. Отмытая, в красивой одежде, девчонка ничем не отличалась от дочерей аристократов, которых я изредка видала на официальных приемах. Только торчавшие в разные стороны вихры немного портили впечатление, но это дело поправимое: отрастут. «Может, найти ей приемную семью? – задумалась я. – Зачем ей в этот Приют?»

– Госпожа магичка, а вы меня еще учить будете? – с набитым ртом проговорила она.

– А надо? – усмехнулась я, обсасывая куриную косточку.

Оли неожиданно смутилась:

– Если можно... Вы хорошая и линейкой не деретесь, как учитель Ронд, даже когда в кабаке переберете!

Я чуть не подавилась... Какой наблюдательный ребенок! Ну и как ее, такую наблюдательную, куда-то отправить?!

– А я тоже хорошая буду! Честно-честно! – продолжала убеждать Оли, не подозревая, какие мысли бродят в моей бедовой голове. – Слушаться буду! И ем я мало! А еще убирать могу...

– Вот убирать, наверное, все-таки не стоит, – усмехнулась я, припомнив разгромленную лабораторию.

– Я вам во всем, во всем помогать буду!

– Ну хорошо, хорошо, – я невольно рассмеялась над такой горячностью. Ишь, как понравилось приبلуде: глазищи сверкают, моська умильная. Разве что не мурлыкает, а так – чистый котенок. Можно и поучить немного. Все равно в Приют ей пока нельзя.

– Честно? Берете меня в ученицы?

– Честно. Беру тебя в ученицы, – усмехнулось мое расслабившееся от сытного ужина высочество. – Ешь давай.

Ответом мне послужил радостный визг. Пожалуй, только стол помешал найденьшу немедленно повиснуть у меня на шее. «От этих прыжков ее, кстати, надо будет отучить в первую очередь», – подумала я, лениво почесывая предплечье.

– Я буду все-все делать! – вещала она, пока я потягивала вино. – Все книжки выучу!

– Посмотрим.

– Честно-честно! – Оли энергично закивала.

«И за столом себя вести тоже придется учить, – мысленно добавила я, глядя как девчонка огромными кусками за-

талкивает в рот хлеб, умудряясь одновременно еще что-то говорить и чесаться. – Кстати, что это мы чесаться начали в унисон? Приблуда притащила в мой дом паразитов?!»

Мое обеспокоенное высочество незаметно стряхнуло с пальцев несколько плетений, но никаких кровососов в радиусе десяти метров не оказалось. Я облегченно выдохнула: только блохастого ректора в Академии стихий и не хватало.

Поймав себя на том, что начинаю клевать носом прямо за столом под щебетание мелкой, я отослала ее спать и, велев духам прибраться, поплелась в спальню. В ифитовы кущи все дурацкие ректорские дела. Кому я что докажу, если завтра отрублюсь в кабинете?

* * *

День не задался с самого утра. Для начала я умудрилась проспять. Потом мое сонное высочество, начисто позабыв о раскиданном в холле тряпье, запуталось в каких-то лентах и в порталную арку влетело головой вперед. Хорошо, хоть волочащиеся за мной кружевные панталончики я заметила до того, как открыть дверь явившейся Карне. Она, всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность, положила на мой стол очередную охапку свитков и гордо удалилась. Не успела я обрадоваться, что сегодня обошлось без нудной лекции о «бедных» чернаках, как пришел мой горе-ассистент. Этот крутился вокруг меня минут сорок, мыча что-

то невразумительное и заглядывая в глаза, пока я не указала на дверь в довольно грубой форме.

Избавившись от зануды, мое скворчащее от злости, как сало на сковородке, высочество снова уселось за стол и развернуло первый свиток.

– Нумерология. Гадость какая, – бормотала я себе под нос, просматривая планы лекций, принесенные Карной на утверждение. – Психоматрица... Кармические числа... Нумерологический анализ слов... Кармическая ось... Кармический домкрат... Стоп! Какой еще домкрат?! А... Это квадрат...

Я никак не могла сосредоточиться. Мало того что мое склерозное высочество давно позабыло те ничтожные крупицы нумерологии, которые, впрочем, никогда толком и не знало, так еще и где-то в затылке угнездилась тянущая, неприятная боль. И ни обезболивающее зелье, ни аналогичное плетение на нее не действовали.

Продираясь сквозь полупонятные термины нумерологии, я невольно потирала больное место, но боль и не думала уходить, скорее, усиливалась. Поэтому, когда на высокой ноте вдруг запищал кристалл связи, мое одуревшее высочество чуть не взвыло. Естественно, мой ответ был далек от норм светских приличий:

– Что?!

– Твои манеры, дорогая сестра, ухудшаются с каждым днем, – насмешливо проговорил Макса.

– А не надо было сажать дорогую сестру на ректорскую

цепь, – огрызнулась я. – С кем поведешься, как говорится. А манеры – последнее, чего можно набраться у студиозов.

– И ты, похоже, набралась на всю оставшуюся жизнь, еще когда сама носила мантию студиоза, – рассмеялся брат.

Типично братец. С ним невозможно поссориться. На моей памяти это удавалось только зануде Алеку.

– Ну уж какая есть, – невольно усмехнулась я. – Зачем тебе вдруг неотесанная сестрица понадобилась, государь-наследник?

– Ладно-ладно, неотесанная. Советую по-быстрому отесаться, потому что государь-правитель ждет твое обнаглевшее высочество к обеду.

– А если у меня аппетита нет?

– Тогда можешь не есть, но явиться обязана, – хохотнул Макса и посерьезнел: – Па желает видеть твою ученицу.

– Мою... Да откуда... Зачем?! – подскочила я, едва не перевернув кресло.

– Это ты у него спроси, – братец понизил голос и добавил: – Па, конечно, впрямую не говорит, но, по-моему, он доволен, что ты за ум взялась. Хотя сперва и обалдел, что сразу так масштабно. Даже проверять бегал. Так что не дрейфь, сестренка, сегодня тебя не только замуж не погонят, но даже под стражу не заключат.

«Какая же сволочь уже доложить успела? – лихорадочно думала я, не вникая в дальнейшие слова брата. – И как теперь выкручиваться?! Да и вообще, что такого масштабного

в этом ученичестве?!»

– Ал! – ввинтился в мои мысли голос Максы. – Ты меня слушаешь?

– Да, разумеется, – отозвалась я, беря себя в руки. Что-то, а из безвыходной ситуации мое бедовое высочество всегда умело быстро находить выход, иначе бы давно свернуло царственную шейку на тракте. А то, что этот выход порой оказывался входом в ситуацию еще более безвыходную – не в счет. – Просто пыталась сообразить, как явиться вовремя, и поняла, что такой возможности нет.

– Не зарывайся, Ал, – насторожился братец. – Па это не понравится.

– Я же не отказываюсь. Просто у меня сейчас проверка, которую я, как ты помнишь, нашему царственному родителю обещала. По этой... Как ее... – Я заметалась взглядом по столу, пытаясь сообразить, что могу так срочно проверять. – По нумерологии, вот!

– Так ты же в ней ничего не смыслишь, – удивился Макса.

– Ну и что? – уровень апломба в голосе моего окончательно зарвавшегося высочества превысил все допустимые нормы. – Проверяющий препода должен уметь проверять, а не преподавать!

– Да ну – с легким недоверием протянул братец.

– Ну да! А теперь извини. Надо еще подготовиться к проверке и все такое. Передай Па, что буду к ужину.

– Смотри, про ученицу не забудь, – напомнил Макса.

– Только о ней и буду думать, – фыркнула я, деактивируя кристалл.

Вопросы роились в голове, как взбешенные пчелы в закрытом улье: «Кто докладывает Па не только о каждом моем шаге, но даже слове? Как привести вчерашнюю деревенскую побирושку пред очи царственного родителя и при этом не огрести? И что за ифитовы тайны с проклятым ученичеством?!»

Удар гонга напомнил мне, что лекция по нумерологии, которую я якобы проверяю, вот-вот начнется. У меня и в мыслях не было идти туда контролировать то, в чем мое замороженное высочество смыслит меньше, чем ифит в мороженом. Но, вспомнив о неизвестном «докладчике», я бодро вылезла из ректорского кресла: за вранье Па наказывал гораздо серьезнее, чем за любые другие провинности.

Я вошла в лекторий одновременно с ударом гонга.

– Я не буду вам мешать, – кивнула высокой пожилой профессорше.

Она явно занервничала, но ничего не сказала, и мое затюканное противоречивыми идеями высочество скромно пристроилось в последнем ряду за спинами студийцов.

Уж не знаю, насколько хорошо профессор нумерологии знала свой предмет, но студийцов она держала в руках виртуозно. Никаких шепотков, болтовни, шалостей. Даже на непрошеную гостью в моем лице почти никто не оглядывался. Да и голосок у лерры нумеролога был самый подходя-

щий для лекций: высокий, взвизгивающий в самый неподходящий момент. Под такой речитатив точно не заснешь, даже если тебе просто зачитывают список жителей Белого континента. Впрочем, для меня ее лекция по информативности явно уступала подобному списку.

– Как мы можем предположить с высокой степенью достоверности, вся физическая реальность, в отличие от астральной, расположена внутри Пространства и Времени. Нумерология есть учение о количественных характеристиках Пространства и закономерностях развития Бытия в соответствии с этими характеристиками. Она подразумевает под собой набор универсальных шаблонов, которые используются для построения всего физического сущего. Истинные нумерологические формы никогда не являются жестко фиксированными.

В конце концов я провалилась в какой-то транс, слушая, но не слыша, что там втолковывает студиязам лерра профессор.

– Они находятся в состоянии постоянного перехода от одной формы к другой со своей собственной скоростью и частотой. Таким образом, в общем случае нашей задачей должно являться выделить момент перехода, построить на его основе аналитическую модель и использовать в дальнейшем в качестве шаблона, в зависимости от наших задач эволюционного или регрессивного.

Создатели, главное, не заснуть. Если лерра ректор захра-

пит посреди лекции, это станет новостью похлеще, чем появление у меня мнимой ученицы. Как бы так без потерь объяснить Па, что это – недоразумение? Хороший вопрос. Но у меня есть еще лучше. Все мои последние проблемы так или иначе появились из-за ректорского кресла. Так как же мне из него выбраться, чтоб его ифиты сожрали? Отправить в Бездну всю Академию, как давеча радужное зелье?!

– Ответ неверный! – в очередной раз взвизгнула лерра ну-меролог, нервным жестом усаживая на место неудачливого студюоза.

«И какой же верный?» – невольно подумало мое загнанное в угол высочество, так удачно вписался в мои мысли этот возглас.

– Объясняю в последний раз! Для самых глухих! В этой позиции цифра три возводит в степень положительные качества! И, таким образом, превращает их в отрицательные! Приведите примеры!

Дальнейшего я уже не слышала, с трудом удержавшись от победного вопля. Вот оно, идеальное решение моей должностной проблемы. Любое полезное качество, увеличенное в разы и доведенное до абсурда, становится отрицательным! И никто не сможет меня упрекнуть в чем-нибудь нехорошем! Я же хочу как лучше! На благо дорогой академии!

Что бы такое выбрать? Читать все лекции, потому что преподаватели паршивые и студюозы ничего не знают? Ну уж нет! Во-первых, я все-таки не тысячелетний маг-универсал

из древних сказаний. А во-вторых, с такой тактикой я загнусь раньше, чем Па надоеет мое рвение...

Экономить на всем? Как же, берегу казну, и все такое... Хотя нет. Тоже не годится. Тут и так, похоже, на всем экономят, судя по антуражу.

Значит, наоборот! Тратить деньги. И побольше! И все на благо Академии. Начать можно с корпуса целителей. Там лаборатория явно требует пополнения. Па и так рычит, что дотации огромные. Так я ему их удвою. Или утрою...

От раскрывающихся перспектив у моего счастливого до безумия высочества перехватило дыхание. Да, чтоб избавиться от такого активного ректора, Па сделает что угодно! Тракт! Рагетта идет к тебе!

Глава 7

Двуногое средство от головной боли

К себе в кабинет я возвращалась едва не вприпрыжку, за что удостоилась удивленного взгляда профессора Карны. Еще бы, такой довольной эти стены видели мое высочество, пожалуй, всего однажды, когда тридцать лет назад нахальная девица обвела вокруг пальца экзаменационную комиссию и вопреки желанию царственного родителя поступила на курс боевиков. Припомнив эту историю, я тихонько захихикала. Па рвал и метал, узнав, что произошло. Впрочем, я и сама через пару дней пожалела, что не пошла, как планировалось, к зельеварам. Но упрямство – основная черта моего характера, и к концу учебного года мне удалось справиться не только с телом, превращающимся после тренировок в скулящий фарш, но и явной неприязнью куратора. Академию я закончила с отличием. Эх... Юность. Кто бы мог подумать, что я вернусь сюда в таком качестве?

В ректорское кресло мое ностальгирующее высочество плюхнулось, ощущая себя старым, мудрым вараном. А может, оно и верно? Только с возрастом начинаешь ценить комфорт. Буду сидеть в этом кабинете, гонять нерадивых студиров. Закажу свой портрет в голубой аляповатой мантии с

кошмарным ректорским амулетом на груди и повешу у себя за спиной...

Я крутанула на пальцах ректорскую цепь. Разлапистая то ли звезда, то ли каракатица едва не вышибла мне глаз и, вырвавшись из рук, вломила в пирамиду бухгалтерских книг. Высоченная стопка угрожающе накренилась. Я попыталась подхватить ее, но только нарушила и без того хрупкое равновесие.

Когда мне на затылок упал первый том, я еще смеялась. Четвертый и пятый встретили забористые ругательства. А к восьмому мое взбешенное высочество ругало академию последними словами и нежно вспоминало гостеприимные канавы у тракта и разнообразных монстров.

Это ж надо, на ровном месте устроить себе подобную бомбардировку! Где вообще была моя голова, когда я сложила эти талмуды в полутораметровую пирамиду на собственном столе? Кое-как утвердив стопки бухгалтерских книг на полу, мое взмокшее высочество снова уселось на место. Бумажная вакханалия стоила мне подбитого глаза. Впридачу окончательно разболелась голова. Оценив полученные повреждения и убедившись, что подходящего зелья в кабинете нет, а тащится с перекошенной физиономией через всю академию на потеху студиязам в Больничное крыло неразумно, я решила, что мой рабочий день закончен.

Отправив к профессору Карне духа с сообщением о своем отсутствии, я шагнула к порталу. В конце концов, сре-

ди актуальных проблем, кроме ректорского кресла, над моей больной головой висело неизвестно чем грозящее ученичество.

Мелкая встретила меня прямо у портала. Еще ни о чем не подозревая, я потрепала приبلуду по вихрастой голове:

– Что у нас сегодня развалилось?

– Ничего, – улыбнулась она.

– Вот и замечательно!

– Только...

Тут бы мне насторожиться, но нет, я все еще витала в розовых облаках, тем более что мигрень неожиданно отступила:

– Если стены целы, остальное – ерунда.

– Наверное. Мне даже понравилось.

– Ты о чем вообще, мелочь? – машинально поинтересовалась я, отдавая духам приказ приготовить ванну.

– Про картинку. Красивая.

– И где ты нашла красивые картинки? В библиотеке?

– Да нет же! – она закатала рукав, и я чуть не села прямо на пол.

На предплечье у приبلуды красовался грифон – символ правящего рода.

– Откуда это у тебя?! – мой вопль, наверное, был слышен и на улице.

– Не знаю! – перепугалась мелкая. – Я ничего не делала! Оно само!

Смутные подозрения шевельнули волосы на затылке, и мое перепуганное высочество, забыв про ванну и зелье от синяков, галопом поскакало в библиотеку.

«Все не так плохо, – уговаривала я себя, переходя от одного стеллажа к другому в поисках нужной книги. – Все не так плохо...» Старинный талмуд «О связях родственных, любовных и магических» нашелся в самом темном и пыльном углу после того, как я вспомнила, что как-никак магичка, и активировала поисковое плетение. Пять минут спустя у меня появился десяток причин обозвать свое неразумное высочество глупой курицей.

Правильно говорят: сам себе не подгадишь, никто с тобой не справится. В отношении моего тупоголового высочества этот принцип срабатывает всегда.

Во-первых, я умудрилась заключить с мелкой бессрочный договор на ученичество и даже не заметить. Мне ли не знать, что самые древние и мощные обряды до смешного просты в исполнении? Что, обладая Силой, надо следить за своим языком? Но нет... Я дала мелкой одежду, накормила ее за своим столом, а потом добровольно согласилась взять ее в ученицы. Все! Никакой «защиты от дурака» для одной слабоумной принцессы обряд не предусматривал.

Во-вторых, в ознаменование сделки у девчонки появилась татуировка грифона, а у меня какой-то непонятный орнамент, будто нарисованный пьяным наемником на столе в паршивой таверне. Не дай Создатели, Па увидит эту «красо-

ту». Он же ни в жизнь не поверит, что сие – символ ученичества.

В-третьих, ученика полагалось везде таскать с собой, не оставлять надолго в одиночестве, оберегать и защищать. Особенно защищать, проклятый договор связывал жизни. расквасит Оли себе нос – плевать ся кровью будем вместе, свернет шею – я тоже отправлюсь в Бездну.

Конечно, были и некоторые плюсы, вроде увеличивающегося магического резерва и обязанности ученика так же холить и лелеять учителя, как и он его. Но до чего же ничтожными выглядели подобные бонусы... На резерв мое высочество и так никогда не жаловалось, а для того, чтобы «холить и лелеять», буде у меня возникнет такая дикая потребность, в доме два десятка домашних духов имеются. Да и армию слуг в папочкином дворце никто не отменял. Им только волю дай: насмерть «залелеют».

Нервно хмыкая, я перечитала список обязанностей ученика:

– «Учиться со всем старанием». Еще бы, раз уж удалось найти идиота, вроде меня, подписавшегося на эту каторгу! «Готовить из того, что даст учитель, убирать и в прочих потребностях всяко обслуживать учителя». Можно подумать, духи плохо справляются. А уж свои способности уборщицы мелкая продемонстрировала еще в первые дни...

Я содрогнулась, припомнив «уборочку» в лаборатории, затеянную приبلудой.

Запищавший в кармане кристалл связи заставил меня подскочить.

– Что?! – рывкнула я еще более злобно, чем в первый раз.

– Ох, какие мы сердитые, – рассмеялся Макса.

– Еще какие, – буркнула я. – Чего желаете, государь-наследник?

– Всего лишь напомнить дорогой сестричке, что торжественный ужин, на котором она обещалась присутствовать со своей ученицей, через час.

Насмешливый голос брата оказал на меня обычное действие: бешенство, волнами омывавшее мозг последние несколько часов, улеглось. Но, получив обратно способность трезво мыслить, я насторожилась: с чего это Макса решил напомнить об ужине? Можно подумать, без напоминаний мне могло прийти в голову проигнорировать недвусмысленное приглашение царственного Па.

– Всего лишь напомнить? – недоверчиво уточнила я.

– Не совсем, – хмыкнул он, подтверждая мои самые неприятные подозрения. – Еще предупредить дорогую сестричку, чтоб не вздумала юлить с ученичеством. Па серьезно поругался с дядюшкой по этому поводу.

– Не поняла. А им-то чего ругаться?

– Дядюшка считает, что ты устроила какую-то аферу, чтобы избавиться от ректорской мантии. И на самом деле никакой ученицы у тебя нет, – ухмыльнулся Макса. – В общем, если это так – советую обзавестись в ближайший час. Я дав-

но Па в таком бешенстве не видел. По-моему, даже когда ты разворотила левое крыло дворца, он так не бесился.

– Странно все это. Я думала, дядюшка спит и видит, как я его драгоценное креслице освобождаю.

– Видеть-то он видит, – братец понизил голос. – Но, похоже, ему почему-то очень хочется, чтоб ты, сестренка, облажалась по полной.

– Это еще почему? – опешила я.

– За что купил, за то и продаю. Просто имей это в виду, когда снова надумаешь вляпаться в какую-нибудь глупость. Найдется, кому раздуть ошибку до масштабов государственной измены.

– Макса! Хватит говорить загадками!

– Да не знаю я больше ничего. И это-то краем уха случайно услышал. Все, сестренка. Чем мог, как говорится. До вечера.

Кристалл, пискнув напоследок особенно противно, затих, а мое весьма ошарашенное новостями высочество крепко призадумалось. То, что дядюшка особой любви ко мне не питает, я знала и без братца. Он в принципе ни к кому любви не питал. Странная черначка из моей спальни – лишь исключение, подтвердившее это правило. За скандал в парке девица огребла полный комплекс проблем, но, насколько мне известно, бывший ректор и пальцем не пошевелил, чтобы помочь «невестушке».

Сообразив, что от бессмысленных предположений скорее

заполучу очередной приступ мигрени, чем ответы на свои вопросы, я поднялась. Правила каторги, на которую мое легкомысленное высочество случайно подписалось, можно почитать и позже. А сейчас принцессу с ученицей ждут во дворце правителя. Плохо это или хорошо, но она у меня имеется, и самая настоящая. А уж возможность натянуть нос заносчивому родственничку я никогда не упускала.

– Оли!

Приблуда материализовалась на пороге, словно ждала под дверью.

– Тута я!

– «Тута», – фыркнула не к месту проснувшаяся во мне поборница чистоты языка. – Нет такого слова.

– Как нет? Я же тута.

– Ты тут.

– Ну да. Тута. Говорю же, – приблуда недоумевающе по-сматривала в мою сторону, явно не понимая, чего от нее хотят.

– Ладно. Потом объясню. Сейчас мы с тобой отправимся в гости к моему Па... К правителю. Вести себя хорошо. Говорить, только если спросят. В носу, ушах и прочих частях тела не ковырять...

– Я и не ковыряю. Я ж не маленькая! – обиделась Оли.

– Я предупреждаю, – отмахнулась я. – Если что-то непонятно, спросишь у меня. Кстати. Называть меня надо на «вы» и по имени: Аленна. Ни в коем случае не «госпожа ма-

гичка» и уж, конечно, не «Рагетта». И поменьше сельских словечек вроде «тута». Все ясно?

– Ага! А правителя пощупать можно?

– Чего? – вытаращилось мое ошалевшее высочество, представив, как мелкая приبلуда треплет Па за щечку.

– Говорят, у него штаны и рубахи из такой необыкновенной...

– Даже не думай! – спохватилась я. – От меня вообще ни шагу! Понятно?!

– Понятно.

– Вот и отлично. Пошли.

– Прямо так? – уточнила Оли.

– А ты что, платье надеть хочешь? – ухмыльнулась я, припомнив первое переодевание прибуды.

– Не, оно неудобное. Хвосты эти во все стороны. Я про вас спрашивала.

– Я тоже хвосты не люблю. Все. Хватит болтать. Нас ждут.

– Да не про платье я! – упрямо набычилась приبلуда. – Зелье хотела сварить.

– Какое еще зелье?

– От синяков. Я в своей книжке видела. А то идем к правителю и с эдаким украшением.

– Создатели! Совсем забыла! – подорвалось мое склерозное высочество и рысью понеслось в лабораторию.

Пять минут спустя, когда моя физиономия приобрела нормальные пропорции и цвет, я активировала портал.

– А вы точно не хотите зелье? – задумчиво поинтересовалась мелочь. – В той книге много всего полезного было. И для памяти тоже...

– Молчи и шагай!

– Ладно.

«Это будет очень долгий вечер», – обреченно подумала я.

* * *

Портальный зал дворца встретил нас настороженной тишиной. Стражники даже глаза не скосили в нашу сторону, изображая статуи по обеим сторонам коридора. А ведь обычно я легко узнавала у них последние новости, возвращаясь со своих прогулок по тракту. Значит, буря в лице моего царственного Па здесь уже побывала. Ну-ну...

– Болтать только с моего разрешения! – шепнула я мелкой, направляясь в сторону малого обеденного зала.

Приблуда перебирала ногами вдвое быстрее, пытаясь попеть за моим нервничающим высочеством:

– А если спросят чего?

– Отвечаешь кратко и по сути.

– Ага. А «по сути» это как?

– Это как можно меньше слов! – прошипела я, и перед нами распахнулись высокие резные двери.

Благородное семейство уже сидело за столом, с неудовольствием поглядывая на нас с Оли. Если они думали, что меня

это смутит, то фатально ошиблись. В полной тишине я как ни в чем не бывало пошла к столу.

– Точность никогда не была твоей добродетелью, Алена, – правитель повел рукой, указывая на свободные места. Вот спасибо! А сама я бы не догадалась, что два пустующих кресла предназначены нам.

– Очень много работы, – я склонила голову: с порога переругаться с царственным Па в мои планы не входило.

– Не так уж и много, раз ты решила еще и ученицу взять, – вклинился дядюшка.

– Оли требует куда меньше времени и усилий, чем все прочее.

– Разумеется. Если ты занимаешься ею с тем же рвением, как и прочими своими обязанностями.

– Я занимаюсь ею, когда удастся урвать время от прочих моих обязанностей, – огрызнулась я, не понимая, куда клонит чертов родственничек.

– Любопытно, – судя по тому, как он улыбнулся, ляпнуло мое закипающее высочество явно что-то не то. – А я читал, что ученичество предполагает приоритет ученика. Даже напоминает об этом неприятными ощущениями вроде мигрени. Древняя магия довольно прямолинейна.

Так вот почему у меня голова трещала весь день! Но бывшему ректору об этом знать вовсе не обязательно. Я мило улыбнулась:

– Как видишь, я чувствую себя прекрасно, значит, древ-

няя магия считает, что все в порядке.

– А может быть, все объясняется гораздо проще? И девчонка вовсе не ученица, а простая оборванка с улицы? По крайней мере, вести себя за столом она точно не умеет.

Я скосила глаза на мелкую. Ну что тут скажешь? Прав дя-дюшка: манеры отсутствуют как таковые, Оли как раз пальцами выуживала фрикадельки из бульона, напрочь игнорируя столовые приборы.

– Одно другому не мешает. Разве оборванка с улицы не может быть ученицей? – проворчала я, пнув приبلуду под столом и демонстративно подцепляя фрикадельку специальной ложкой.

Девчонка оказалась сообразительной и выбрала из кучи железа рядом с тарелкой нужный инструмент. Правда, предварительно она вытерла жирные пальцы о скатерть, но этого, слава Создателям, никто, кроме меня, не заметил.

– Наверное, чтобы ты могла больше времени уделять своей ученице, тебя надо освободить от обязанностей ректора? – ехидно уточнил этот... гад.

– Ну отчего же? Думаю, я справлюсь, – с деланным равнодушием я пожала плечами, кое-как удержав рвущийся с языка вопль «конечно!». Создатели, неужели я это сказала? – Вот разберусь со всеми застарелыми проблемами, а дальше пойдет по накатанной.

– Какие еще застарелые проблемы? – скривился родственничек.

– А там, куда ни плюнь, в проблему попадешь, – лощенная физиономия дядюшки начала наливаться неестественной краснотой. Макса бросил в мою сторону предостерегающий взгляд, но меня, что называется, уже понесло по кочкам. – То странные черначки в ректорскую спальню, как к себе домой, вваливаются. То выясняется, что в Целительском корпусе половина ингредиентов отсутствует, а другая половина – просрочена.

Па покосился в сторону дядюшки, вопросительно приподняв брови.

– Все там присутствует! – моментально отреагировал тот. – Ты наверняка не посмотрела как следует, а теперь глупости говоришь!

Ишь, как тебя заело! Так уж и не посмотрела. Ага! Не заметила случайно пару стогов лекарственных трав и сотни три разнообразных булыжников!

– Да, ваша светлость, – улыбочку до ушей. – Возможно, я действительно не досмотрела и случайно перепутала Целительский корпус с музеем Академии. По крайней мере, инструментам, которые мне там попадались, место именно в музее.

Родственничек задохнулся под удивленным взглядом Па, дав мне возможность, наконец, доесть фрикадельки. Мелкая за это время умудрилась выхлебать и бульон. Расторопный слуга утащил тарелку прежде, чем она успела сообразить, каким образом ее вылизать. От предложенных раков я отказа-

лась и за себя, и за приبلуду. Даже думать не хочу, как бы она их ела. А вот сладкий пудинг таких опасений не внушал, и Оли получила прозрачную креманку, посмотрела, какую ложку возьму я, и вполне культурно занялась лакомством. Хмм, а девчонка соображает. Еще бы чавкать ее отучить, и было бы идеально. Я сделала в памяти зарубку: найти мелкой учителя этикета, и как можно скорее.

– Поела, деточка, – приторно сладкий голос дядюшки нарушил мои размышления. – Поди-ка сюда.

Так. Пока я хлопала ушами, приبلуда смела пудинг и плотоядно поглядывает уже на декорации стола. Ифитов родственничек это заметил и поманил девчонку к себе. И возразить вроде как причин нет. Думай, Аленна, думай!

– Не бойся, деточка. Пока твой учитель доест, – дядюшка скривился, коротко взглянув в мою сторону, – мы с тобой побеседуем.

Оли, недолго думая, поднялась и пошла к его креслу. Спокойно, Аленна, разъяснительные беседы проведем наедине, а пока улыбаемся.

Впрочем, пару минут спустя моя улыбка стала вполне искренней, хоть и несколько злорадной. Дядюшка, задав парочку ничего не значащих вопросов, поинтересовался татуировкой. Оли слегка замешкалась, запутавшись в завязках рукава, и ифитов родственничек отпустил какую-то язвительную ремарку по поводу наличия знака ученичества. Тем больше мне понравилась его вытянутая физиономия, когда

татуировка обнаружилась там, где ей и полагалось быть. Дядюшка даже пальцем ее поскреб, подозревая аферу.

– Еще на зуб попробуй! – не выдержала я, поднимаясь. – Связь учитель-ученик в ауре не видно, да?

– Спокойно, Аленна, – Па придавил скандал в зародыше, одним многообещающим взглядом осадив брата. Мне хватило нетерпеливого движения бровей, чтобы резво плюхнуться на место. – Максиан, проводи нашу юную гостью, покажи ей парк...

– А Аленна? – бесцеремонно перебила приبلуда.

– Все хорошо, Оли, – поспешно вмешалась я, глядя, как мелкая попятилась от Максы. Раньше бы ей быть такой осторожной! – Попрошайся с правителем, а я подойду позже.

– Ладно, – девчонка нахмурилась, соображая, и громким шепотом через весь зал спросила: – А который из них правитель? Этот вроде посерьезнее будет, но тот, – она ткнула пальцем в сторону дядюшки, – болтает много...

Я с трудом сдержала стон, но Па громко расхохотался:

– Запомни, Оли. Чем больше магик говорит, тем меньше решает.

– А, ну да... Пустая телега завсегда грохочет громче, – кивнула приبلуда и, неуклюже поклонившись в сторону Па, пошла за Максой к двери.

Взглянув на перекошенную физиономию дорогого дядюшки, я громко закашлялась, пытаюсь удержать неприличный хохот.

– Да что ты себе... – взвился родственничек, но снова вмешался Па.

– Брат, подожди меня в моем кабинете.

И сказал он это таким тоном, что я подавилась смехом, а взбешенный дядюшка без возражений вымелся из обеденного зала.

– Почему ты решила взять ученицу, Аленна? – спросил Па, едва мы остались вдвоем.

– Ты же видел, какой у нее потенциал, – буркнула я. – Надо было сделать вид, что ничего не происходит, и оставить ее в той деревушке?

– Нет. Так, конечно, не надо. Но возрождать ученичество в наше время...

– А чем наше время отличается от любого другого? – перебила я.

– Ничем, – быстро отозвался царственный родитель.

Так быстро, что я тут же пожалела о своей несдержанности: Па явно чуть не проболтался о чем-то важном, но теперь из него ничего не вытянешь. Ладно, потом из Максы вытрясу, что здесь происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.